

К84(2-411.2)6
С69

Никон Сочихин

ГЛАЗАМИ МОЕЙ ДУШИ

РАССКАЗЫ • СТИХИ

Томск 2024

К84(2=411.2)6
С69

НИКОН СОЧИХИН

**ГЛАЗАМИ МОЕЙ ДУШИ
РАССКАЗЫ.
СТИХИ**

9001127976

МБУК ЦБС г.Сургут
Инв № <u>24101254</u>
Библиотека <u>КД</u>

Сургут
2024

ББК 84(2=411.2)6

С 69

Сочихин, Н. В.

Глазами моей души. Рассказы. Стихи / Никон Сочихин.

Томск : ООО "Издательский дом Д'Принт",

2024. – 150 стр.

Сочихин Никон Васильевич родился в 1939 году в деревне Коларово (село Спасское) Томской области в семье врача. Рано лишился отца. Воспитывался в Усть-Чижапском детском доме, что в 1940 – 1950 годах находился на реке Васюган в устье реки Чижапки.

Служил в армии – Приморье и на Камчатке. Закончил Тюменский индустриальный институт. Горный инженер по бурению нефтяных и газовых скважин. Работал бурильщиком разведочного и эксплуатационного бурения, а также капитального ремонта скважин на месторождениях Среднего Приобья.

Автор нескольких поэтических книг, изданных в Москве и Томске.

В 1996 году принят в Союз писателей России.

Живёт в Сургуте.

С особой благодарностью сотрудникам отдела краеведения Сургутской городской библиотеки имени А. С. Пушкина и лично Галине Николаевне Библой за помощь в работе над этой книгой.

Никон Сочихин

РАССКАЗЫ

Лечебная книга

Нашу сказку мы начнём, как начинали в старину рассказывать сказки наши прапрабабушки и прапрадедушки. То есть: в некотором царстве, в некотором государстве жил был...

Так вот: В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь со своей прекрасной царицей, и было у них пятеро – 5! – сыновей. Все они были высокие, стройные, красивые, с высшим образованием и без вредных привычек.

Тот царь был хорошим царем. Он ни с кем не воевал, и с ним не воевал никто. Со всеми соседями он жил дружно. И все соседи жили с ним дружно. И все его подданные гордились, что у них такой умный, справедливый и добрый царь. Как все цари, с которыми он был знаком, наш царь любил охоту, балы, иногда и пиры (по праздникам), а вечерами просто посидеть у телевизора в кругу своей семьи.

Но вот как-то все его приближённые и даже простые подданные стали замечать, что с их государем (царём-

батюшкой) происходит что-то не совсем ладное: поедет ли он на охоту, удачная охота, а вот нет на лице его прежнего восхищения, хотя и старается не подавать вида, а от людей-то не скроешь.

Ни балы, ни пиры, ни соревнования (тогда их называли турниры) не давали должного результата. И приближённые царя-батюшки решили найти хоть в своём царстве, хоть в каком другом самого мудрого-премудрого мудреца, какого ещё только можно было отыскать в то время. Они просмотрели все предложения по каналам телевидения, все смартфоны и всевозможные фоны, куда только можно было войти и заглянуть.

Многие вызывались помочь царю-батюшке, но просили такую плату, что невольно создавало подозрения об их возможностях.

А тот, кто был нужен, отыскался сам. Он пришёл во дворец и сказал приближённым, что готов помочь царю-батюшке, и совершенно бесплатно. Приближённые были немало удивлены, что мудрец, человек уже не молодой и довольно нуждающийся, готов помочь самому царю, не спрашивая за это абсолютно никакой платы.

Всё же они провели мудреца в кабинет царя, и стали ждать, что будет! Мудрец тихо поклонился царю и попросил разрешения осмотреть его. Царь согласился. Надо сказать, что кабинет царя был просторным и светлым, ничего лишнего ни на стенах, ни на столе не было. Все царские отличия находились в особой комнате и под охраной (на всякий случай), как того требуют правила.

Мудрец возложил руки на голову царя, посмотрел в глаза, потрогал мочки ушей, попросил открыть рот и сказать: «А». Царь все просьбы мудреца выполнил беспрекословно, как выполнил бы всякий послушный ребёнок. Потом попросил

его присесть и вытянуть руки, а когда царь поднялся, то взял своими руками кончики пальцев царя и слегка потряс их. Царь даже улыбнулся, улыбнулся и мудрец.

— Вы, Ваше Величество, телом совершенно здоровы. Беспокоит Вас, Ваше Величество, простите меня за прямоту, Ваша душа. Для души, смею Вас заверить, Ваше Величество, самое лучшее лекарство — это хорошая книга.

— А есть ли она в моей библиотеке? В моём государстве?

— Этого я Вам, Ваше Величество, сказать не могу, мне не дано. Скажу только, что принести её Вам должен человек, которого Вы очень любите, и кто Вас, Ваше Величество, любит, и Вы для него — самый дорогой человек.

— В моём государстве каждый его гражданин готов мне оказать любую услугу, — сказал царь.

— Это хорошо, — ответил мудрец, — и всё-таки, надо, чтобы это был, Ваше Величество, очень близкий, очень дорогой Вам человек.

— Самые близкие мне люди — мои сыновья, их пятеро, замечательные ребята, и мне не хотелось бы отпустить их от себя надолго.

— Ваше Величество, послушайте меня, попросите их, это верная служба.

С такими словами мудрец сложил руки на груди, поклонился и стал пятиться к двери.

Царь оглядел свой кабинет, чтобы найти что-либо, чем он мог бы вознаградить мудреца. Взгляд его ни на чём не мог остановиться, так как кабинет был весьма прост. В нём было то небольшое, что необходимо для работы. А когда царь обратился к мудрецу, чтобы в знак благодарности хотя бы сказать спасибо и пожать руку, того в кабинете уже не было.

Царь вышел в приёмную и спросил у приближённых, не заметили ли они человека, только что бывшего у него.

– Не-е-ст! – в недоумении ответили приближённые, – мы были здесь, мы никуда не отлучались, мы бы заметили.

– Да! – подумал царь, – Это был воистину мудрый человек.

– Господа, пожалуйста, – сказал он приближённым после некоторого молчания, – пригласите моих сыновей, у меня к ним очень непростой разговор.

Когда сыновья пришли, он сказал им:

– Дети, дорогие мои, я очень нуждаюсь в вашей помощи.

И он передал им весь разговор, который у него был с мудрецом, и что мудрец посоветовал ему найти книгу, а какую – не сказал.

– Я думаю, сердце вам подскажет, что это за книга, и снова у нас в отечестве всё будет, как сейчас принято говорить: Тип-топ!

– Хорошо, отец! Государь! Ваше Величество! Мы готовы! Мы найдём эту книгу! Мы сделаем!

– Если в течение месяца такая книга вам не встретится, возвращайтесь, – сказал растроганный отец, – я и ваша матушка более длительной разлуки не перенесём.

Сыновья царя-батюшки вышли на самую середину государства и стали решать, кому в какую сторону идти.

– Я, – сказал старший брат, – пойду на север, этот путь малоизвестен, и на нём всякое можно ожидать.

– Тогда, – сказал следующий за ним брат, – я пойду на юг, там жара, безводье, степи бескрайние, пески, пусть этот путь будет моим.

– Я пойду на восток, – сказал третий брат.

– А я на запад, – сказал четвёртый.

– А ты, – сказали они младшему брату, – можешь пойти в любую сторону, но после того, как мы скроемся из виду.

– Встречаемся ровно через месяц здесь же, на этом месте, – сказали они, как клятву друг другу, и пошли каждый в свою сторону.

Младший брат стал ждать. Вот братья уже далеко. А вот и совсем их не видать.

– Что ж, – решает младший брат, – надо и мне идти. Но куда?

– А сделаю, как делается в сказках: покручусь через правое плечо, покручусь через левое плечо, куда выйдет, туда и пойду.

Так и поступил.

Вот он идёт и внимательно смотрит под ноги – не встретятся ли где следы братьев? Нет, не встречаются.

– Хорошо, – подумал он про себя, – никому дорогу не перейду, сам буду искать.

Отправимся и мы за ним.

Старшие братья – более опытные, они и с пути не сойдутся, и найдут что надо, и вовремя возвратятся.

Идёт младший брат. Заходит во все селения, во все города, во все встречающиеся библиотеки, большие и маленькие. Бывало, попадались такие книги, что только в царских библиотеках и должны находиться. Но как будто внутренний голос нашептывал ему: не торопись, есть ещё время, в крайнем случае, на обратном пути возьмёшь. И он шёл дальше. Вот младший брат, назовём его Иваном, стал уставать, стал чаще делать остановки, и наконец, решил: перейду это поле, пройду лесок, и, если что, поверну обратно, а то не успею возвратиться к назначенному времени.

А тучки-то набегают и набегают, дождик закапал, темнеть стало. Слышит он, вроде звонят где-то недалеко, совсем

рядом. Сверкнула молния, и в свете её он увидел маковку храма со крестом, стены, ворота.

— Монастырь! — обрадовался Иван такому видению, — Будет где обсушиться и передохнуть перед обратной дорогой.

— Проходите, добрый человек, — сказал привратник, открывший ему, — я провожу Вас к настоятелю, он распорядится.

Нашему путнику дали пересодеться в сухое чистое бельё, накормили, но расспрашивать не стали, ибо утро вечера мудренее.

После утренней молитвы и трапезы настоятель пригласил Ивана к себе и узнал от него всё, о чем вы уже прочитали.

— Я помогу Вашему — он хотел сказать «царю-батюшке», но сказал только, — батюшке.

С этими словами он подошёл к книжному шкафу, взял книгу и положил её перед Иваном.

— Евангелие, — прочитал Иван.

— Эта книга скромно издана, — сказал настоятель, — а в ней заключена такая сила, какой нет ни в какой другой. Она и мне помогла, помогала и многим другим людям, поможет она и вам, только читать её нужно с верой, без веры это будет простое занимательное чтение.

Иван достал свою дорожную сумку и хотел спросить о цене, но настоятель тотчас остановил его руку:

— Этот дар оплате не подлежит. Не смею Вас задерживать. Счастливого пути. Благословление Божие будет сопутствовать Вам.

Иван поклонился и оставил стены монастыря. Какое чудесное утро встретило его!.. Выходило солнце. Воздух был чистый и ароматный. Капельки дождя блестели на листьях деревьев и стеблях травы, как разноцветные

изумруды. Птицы пели с таким воодушевлением и такой самоотдачей, что Ивану самому захотелось запеть. Ах, если бы крылья! Он бы взмахнул ими и полетел!

Братья собрались все вместе в обусловленное время без опозданий. Их восклицаниям не было конца. Они смеялись, тискали друг друга, прыгали от радости, как маленькие дети, жали друг другу руки, что прохожие, увидевшие это, останавливались и с восхищением глядели на них.

Книги братьев, действительно, были дорогие, красочные. Обложки их были инкрустированы множеством самоцветов, серебром и золотом, и нельзя было сказать, какая из них лучше.

В книге старшего брата было рассказано об удивительных северных странах, об отважных путешественниках, о природе тех краёв, о животных, обитающих там, и многом-многом другом. И всё это было иллюстрировано такими рисунками, что казалось, помести их в рамки, да повесь на стену – получится целая картинная галерея.

Книги других братьев нисколько не уступали книге старшего брата. В них говорилось о тех местах, которые они встречали на своём пути, о народах и их обитателях, о культуре, об их приветливости и дружелюбии. И обложки их книг тоже были инкрустированы невидимыми дотоль драгоценностями.

Потом упросили и младшего брата показать свою книгу, и, хотя она была довольно скромна на вид, они бережно передавали её друг другу, листали страницы, читали высказывания ранее неизвестных им персонажей и сказали почти одновременно:

– А что, возможно, эта книга как раз та самая, какая и нужна нашему отцу!

И они пошли во дворец.

Царь и царица не могли скрыть радости, увидев своих сыновей такими хорошими, бодрыми, дружными и возмужавшими, что царица даже прослезилась от нахлынувшего на неё умиления.

– Мы с вашей матушкой всегда верили в вас и счастливы, что у нас такие сыновья, – сказал Его Величество царь-отец.

– И ещё, – добавил он, – все книги – по-настоящему царские подарки и займут в его кабинете подходящее место.

– Теперь, – сказал он, – можете идти к себе, отдохните, приведите в порядок свои дела. Я приглашу вас, когда мы с царицей основательно познакомимся с вашими подарками.

Спустя непродолжительное время царь пригласил их к себе в кабинет, и братья увидели: их книги стояли каждая на отдельной полочке, прикреплённой к стене напротив стола Его Величества, а Евангелие находилось на рабочем столе справа.

– Мы с Вашей матушкой решили, что эти книги всегда будут перед моими глазами, а Евангелие – всегда под рукой. Теперь нам надо подумать и о ваших свадьбах, вы совсем взрослые стали, и мы не сомневаемся, что и невесты есть на примете у каждого. Пора вам обзаводиться своими семьями.

– Согласны! Согласны! – воскликнули братья, – все пять свадеб соединим в одну.

И был пир, как говорится, на весь мир. И все жители от души радовались, что у них такой государь, а у государя такие славные сыновья. И на многие-многие годы в их царстве-государстве всё было, как сейчас принято говорить: Тип-топ!

Маша и Медведь

Как выйдете из Москвы и свернёте за угол, так сразу увидите деревню, не совсем ухоженную, но не совсем чтобы заброшенную – обыкновенную, русскую.

А населяют её, вернее, обитают в ней несколько бабушек, и совсем-совсем несколько дедушек.

Одной из сельчанок, избушка которой ближе других к лесу, приснился какой-то странный сон, будто она в отчаянии пошла в лес с намерением, что её там непременно должен съесть медведь, и тогда все её страсти-напасти тотчас кончатся раз и навсегда.

Вот пришла она в лес, в самую чащу, села под дубом, нет – села она под берёзой, берёза, она всё-таки тоже женщина, она и поймёт и пожалеет. А дуб, он и есть дуб бесчувственный.

Вот сидит она, сидит и не заметила, как задремала, и тут подходит медведь.

– Здравствуй, Машенька, – говорит он, – ты что это одна пришла в лес в такую пору, сейчас ничего хорошего здесь не найти.

Маша подняла на него глаза и нисколько не испугалась.

– Я, Миша, – говорит, – ничего не ищу, я знала, что тебя встречу, и вот – ты. Я хочу, Михаил Иванович, чтобы ты меня съел. Я устала, я так устала от всего, что просто сил моих никаких нет.

– Что ты говоришь, Машенька, – сказал медведь, и закрыл своё лицо обеими руками, то есть лапами, – я никогда людей не ел и не ем, и не буду есть, я им ничего плохого не сделал, и они мне ничего плохого не делают.

– Нет, Машенька, тебя я есть не буду, ведь я тебя помню ещё совсем маленькой, вот такой, – он поднял над землёй лапу на высоту двух вершков. Я не знаю, ты помнишь или нет, а я помню, как однажды тебя напугал, ты почему-то одна пошла за малиной. Возле вашей деревни, почти рядом с домами, рос малинник с такой крупной и вкусной-превкусной малиной, что просто не оторваться. В тот день и мне захотелось поест этой малины. Там мы и встретились в первый раз почти лицом к лицу. От неожиданности ты так испугалась, что даже не смогла закричать, уронила ведёрко и понеслась домой во весь дух.

– Да-а... а малину твою я всё-таки съел, не удержался, прости меня.

– Прощаю, прощаю, Миша, ведь это было так давно, тогда ты и сам был маленьким.

– Зато я помню, – сказал, улыбаясь, медведь, – когда ты с подружками пришла в этот малинник в другой раз, и ты увидала своё ведёрко, правда, без малины, но совсем целёхонькое, так обрадовалась, что я сам за тебя порадовался. Вы стали собирать, а я потихоньку ушёл в другой малинник, чтобы вам на глаза не попасться.

– А где твои, почему ты одна, может, дома заняты? – спросил медведь.

– Нет, Миша, нет, мои все разъехались, я одна, жаль мне оставлять мою деревню, куда я, и возраст уже не тот.

– Да, – сказал медведь и почесал лапой свой затылок...

– Да, – сказал он снова после некоторого молчания и снова в задумчивости почесал затылок. Мои вот разбрелись по лесу кто куда, один даже в зоопарк попал, может, там и хорошо, но я туда не хочу, здесь я дома, мужики меня не донимают, живём мирно.

– Правда, Миша, правда, все наши ходят в лес безбоязненно, – сказала Маша, – ни кур, ни поросят, ни собачек никто не трогает. Но сегодня, ради такой встречи, ради нашей дружбы, Миша, Михаил Иванович. А?..

– Нет, Машенька, нет, не смогу я, – умоляюще промолвил медведь.

– Какая я Машенька, – почти плача прошептала Маша, – я давно самая настоящая баба Машка, а то и просто – бабка.

– Пусть для кого-то ты и бабка, а для меня всё равно Маша, Машенька. И не говори мне больше об этом, и вообще выбрось такое из головы, не огорчай меня. Вот и снежок пошёл, первый, через месяц ляжет основательно, надо берлогу подновить к зиме, травы натаскать, листьев наскрести. И ты домик свой поправь, печку там, окна, дров припаси.

Медведь обнял Машу за плечи и поднял.

– Не сиди на земле долго, земля может все силы забрать.

– А в самом деле – холодает, – подумала Маша.

И наша Машенька, Мария Петровна проснулась.

Было утро. Изба почти простыла. Потрогала печь – холодная, забыла вьюшку закрыть на ночь.

Тут она вспомнила сон и вздохнула – приснится же!

Лягушка-Квакушка и Комар-Комарович

На краю болота, где болото постепенно заканчивается и начинается лес, жили лягушки. Жили они там давно-давно с того самого времени, когда болото только-только начинало образовываться. Главной у них была Лягушка-Квакушка XXII, их королева. Она была из старинного и знатного лягушачьего рода, такая важная, такая степенная, такая правильная, такая вся... сами понимаете, какой и должна быть королева. Её подданные уважали свою королеву, гордились ею и старались во всём ей подражать.

Лес же в том месте состоял в основном из сосен, берёз и кедра – высоких, величественных деревьев. На спуске к болоту росли редкие кустарники, а дальше пробовали выжить маленькие чахлые деревца среди сухого и корявого чапыжника, годного разве что для костра. И эти места стали обживать комары, тоже с незапамятных времен.

В начале лета, когда на болоте начинала цвести морошка, комары любили навещать территорию лягушек с тем, чтобы полакомиться нектаром цветов морошки. Никакого вреда

своими набегами, то бишь, налётами они цветам не причиняли, наоборот, приносили пользу – опыляли их.

Главным у комаров был Комар-Комарович XII. Почему XII? Да потому, что он был ещё молод и жизненного опыта у него было что называется набирать да набирать, не то что у Лягуши-Квакуши XXII. Но был он любим и уважаем своим комариным народом за храбрость и принципиальность.

И комариный народ часто обращался к нему с жалобой на своих соседей – лягушек, на их неприветливость и непонимание. Вот Комар-Комарович XII решил сделать визит Лягуше-Квакуше и обсудить с ней эти недоразумения.

Её величество Лягуша-Квакуша была обрадована визиту Комара-Комаровича, столь высокого гостя и назначила ему аудиенцию в своих апартаментах возле самой роскошной кочки сё болота, прямо утопающей во множестве необыкновенно красивых цветов морошки, так обожаемых Комаром-Комаровичем. Конечно, ему был предложен и фирменный Лягуши-Квакуши напиток – чудодейственный сфагновый бальзам, настоящий на ягодах морошки, от которого Комар-Комарович просто не мог отказаться, не только из придворного этикета, принятого в таких случаях, но и сам напиток был очень и очень приятный и на взгляд, и на вкус. Комар-Комарович передал Лягуше-Квакуше напутствие своего народа и изложил ей своё понимание, какими хотелось бы ему видеть отношения между народами Лягуши-Квакуши и его, Комара-Комаровича, чтобы они были взаимоприемлемыми, взаимоуважаемыми, взаимопонимаемыми, в общем, чтобы в их отношениях всё было открыто и просто... по-семейному.

– По-семейному! – радостно воскликнула Лягуша-Квакуша.

– Ах, как Вы, Комар-Комарович, прекрасно выразились – по-семейному! Я непременно обдумаю Ваше пожелание!

От восторга она даже прикрыла глаза и потянулась блаженно.

– По-семейному! Как это чудесно! – и так глубоко-глубоко вздохнула, что у неё как бы слегка закружилась голова – по-семейному!

Некоторое время она оставалась в таком недвижно-восторженном состоянии. Вот она открыла глаза, смотрит, а Комара-Комаровича нет.

– Комар-Комарович! Комар-Комарови-и-ич, Вы где? – позвала она и огляделась вокруг. И тут она почувствовала, что у неё во рту что-то есть. Она совсем неосознанно произвела глотательное движение и ей стало приятно.

– Ах! – воскликнула Лягуша-Квакуша, – если бы всегда, вот так, просто... по-семейному! А то эти, как их – журавли, с ними ни...

– Ой!

– Прячусь! Прячусь!

Тысяча девятьсот семидесятые...

Сажу в аэропорту Рощино. Это Тюмень. Прошёл регистрацию, но самолёт не выпускают – не принимает Север. Там низкая облачность, дождь, размыты посадочные полосы. Надо ждать, когда в облаках появятся просветы, и полосы приведут в порядок.

В Тюмени тоже погода не очень, стоит водяная пыль, плотная как туман. Здание аэровокзала забито пассажирами, просто негде прислониться, не то чтобы присесть.

На дворе стоят тысяча девятьсот семьдесят какие-то годы, время открытий и активного освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья.

Похожу по вокзалу, выхожу на улицу, там пройду разок-другой вдоль здания от одного угла к другому, туда-обратно, и начинаю сначала.

Справа от привокзальной площади павильончик. Зашёл от нечего делать, заодно и перекусить. Возле павильончика посажены деревья, под ними скамейка. Постелил газетку, присел, хоть немного дать отдыха ногам.

Сажу.

Какая-то всполошившаяся стайка воробьев от того торца здания перелетела на этот и расшумелась ещё пуще. Галка, прежде гулявшая по крыше, подошла к краю и посмотрела вниз. Потом отошла, взяла что-то в клюв и вернулась. Выбрала удобную позицию и опустила свой снаряд. Я слышал, как он ударился о бетон и стайка разлетелась.

Галка важно и с достоинством пошла осматривать свои владения.

Я посидел ещё какое-то время и пошёл в здание – авось объявили посадку. По дороге заглянул на место боя посмотреть, чем это галка бомбардировала воробьев. Оказалось – куриной косточкой. И хотя мне ещё и ещё пришлось пофланировать вдоль аэровокзала, прежнего уныния на душе уже не было.

А когда объявили посадку, все неудобства тотчас забылись, и я с весёлым настроением улетел в Сургут.

P.S.

Это было время социализма. Была коммунистическая партия. Был комсомол. Комсомол, кроме прочих важных дел, шефствовал ещё и над молодыми и начинающими литераторами. И ежегодно, обычно в сентябре-октябре, в Тюмени проходили областные семинары, на которые приглашались кроме нас, начинающих, и признанные поэты, писатели и критики, для более профессионального разбора наших «творений».

В последний день семинара самых достойных авторов приглашали записаться на радио. Тогда это воспринималось как большой успех. Вот и я был тогда от Сургута одним из этих самых начинающих. О чём и вспоминаю легко и с благодарностью.

Надя

Мы – бригада освоения – переехали на новый куст. законченный бурением. Куст – это ряд скважин. На кусту ещё находились несколько вышкомонтажников. Они передвинули буровой станок так, чтобы он не мешал нам. «освоенцам», осваивать скважины. Когда вышкомонтажники отправили с куста всю свою технику: столовую, вагончики. трактора, слесарку, сварочную, и прочее, и прочее, один из них подошёл к нам и сказал: «Ребята, на том озере, – он показал рукой за наши балки, – живёт гагара, она почти ручная, покричите: Надя! Надя! Она приплывёт, не близко. но где-то на расстояние броска. Рыбу найдёте, где стояла наша столовая, там лежит целый брикет хека. Ну, всего».

После его ухода мы тотчас пустились знакомиться с Надей. В ту пору в бригады привозили кроме основных продуктов, которые заказывали, ещё и по целому брикету хека, как бы в нагрузку. Конечно, весь брикет мы не съедали, а оставшуюся часть, после окончания работ и при переезде на другой куст, просто оставляли. Песцы, лисы и другие

таёжные жители считали это своей добычей, возможно, ещё и благодарили нас.

И вот мы набрали рыбы, пришли на берег и кричим: Надя! Надя! И правда, из-за островка выплывает гагара и плывет по отношению нашего берега метров на пятьдесят. Бросаем рыбину, и как только она плюхается в воду, гагара тотчас ныряет. Через какое-то время в том месте, где рыба упала, расходятся круги, значит, Надя рыбу взяла, теперь ждём, где она вынырнет. Выныривает она далековато, почти у самого берега островка. Бросили ещё несколько рыбин и пошли собираться на работу – обустроить куст.

А почему вышкомонтажники гагару называли Надей? Скорей всего потому, что у них в бригаде поварихой была Надя. Вот и гагара получила это имя в её честь – должно быть так. Стояли мы на этом кусту месяца полтора-два, почти всё лето. Кроме своих дел, Надю подкармливать не забывали, и всегда она была одна. Были ли у неё утята, не знаю, не видел. И летать она как будто бы не летала. И что её могло ожидать потом, не решаюсь и предполагать.

Бурундучок

Иду пригородным леском старой просёлочной дорогой. Справа и слева красуются деревья во всём своём осеннем убранстве. Погода хорошая. Небо ясное. Солнце кренится к закату. Ветра нет.

Я ходил в лес просто так, посмотреть, полюбоваться красками осени, и если что встретится из ягод и грибов — скажу спасибо. Никакой посуды ни для ягод, ни для грибов у меня с собой нет. Странно было бы найти их в эту пору.

Сначала я ещё заходил в лесок то справа, то слева от дороги в надежде, а вдруг что-нибудь да найдётся. Ничего не находилось. И теперь потихоньку возвращаюсь домой краешком обочины, наслаждаясь осенним пейзажем и спокойным неярким осенним закатом.

Через дорогу проходит высоковольтная линия электропередачи. На самом верхнем проводе — он служит защитой от молний — сидит дрозд и так беспокойно квохчет, так трепещет крыльями и подёргивает хвостом, как будто он увидел со своей высоты что-то нехорошее и этим выражает своё возмущение.

Я прошёл под линией, и мне показалось, что я чуть было не наступил на какой-то странный маленький сучок, который не лежал на земле, как должно было быть, а стоял торчком. Я подумал, что это за сучок такой, и оглянулся. Ба! Да это же бурундучок. Он сидел на задних лапках, прижав передние лапки к телу и внимательно, не шевелясь, глядел вверх на дрозда и слушал его.

Господи! Ведь я прошёл совсем рядом и мог наступить. Бурундучок не обратил на меня ровным счётом никакого внимания, хотя я находился от него всего-то в одном шаге.

Вот дрозд успокоился, перестал квохчить и трепетать крыльями.

Он посидел ещё немного и полетел. И полетел именно в ту сторону, в которой его что-то так тревожило.

В это время бурундучок опустился на передние лапки и перебежал дорогу.

И я пошёл, радуясь и благодаря неведомо кого за то, что был зрителем и слушателем этого необыкновенного лесного действия.

Ворона

Конец лета. Начало осени. Первые заморозки. Иду окраиной города небольшим парком из тополей, берез и осин, совсем облетевших. Предвечерние сумерки. Падает лёгкий снежок, ещё робкий.

По краю парка спуск на пойму большой реки. Сама река где-то далеко, её не видно, но я знаю, что в этом далеке она есть. На пойме, почти у самого спуска к ней, недобросовестные водители вывалили кучи всевозможного мусора, похожие на холмы, уже припорошенные снежком.

(Слово *недобросовестные* нынче широко распространённое и часто употребляемое в среде управляющих нашим государством).

На некоторых холмах сидят вороны и что-то там пробуют найти на пропитание. На одном таком холме, самом близком к спуску, сидит одинокая ворона и тоже что-то клюёт, но голову держит как-то странно – боком.

Я остановился узнать, что этому причина и увидел: половины верхней части клюва у неё нет. Вот те на!

Впервые мне встретилась такая ворона, и меня удивило то, что сидела она отдельно от своих подруг. Возможно, что вот этот дефект и держал её на некотором расстоянии от других. И подумал, что нелегко ей придётся зимой с таким клювом, нелегко.

Как-то в разговоре с одним знакомым (не помню, о чём был разговор) я сказал, что видел ворону с отломанной половинкой верхней части клюва. Он спокойно сказал, что скорей всего они подрались. Никогда не видел, чтобы вороны дрались. Ну, гоняет одна другую, если этой другой удалось раздобыть где-то пусть не кусочек сыра, но что-то вроде того.

Или вот наблюдаем вороний грай — когда вороны с тревожными криками носятся в беспорядке над верхушками деревьев наших парков в предчувствии ненастья. Чаше это происходит под вечер, но это к дракам никак не относится.

Вот голуби городские, беспородные, те дерутся, и при том стараются ухватить противника за шею, а это, по-видимому, очень опасный приём.

Воробьи, те просто прыгают друг на друга, имитируя нападения, но драк избегают.

Так что же могло случиться с той вороной?

Однажды, через какое-то время, может, год-другой, недалеко от моего дома в небольшом пришкольном парке на высоком тополе сидела ворона и пробовала клювом отломать край веточки.

Жаль, что не удосужился досмотреть до конца: смогла ли она отломать эту веточку, и на что намеревалась её употребить, ведь в природе до основательного торжества весны было ещё не так близко, и кругом лежал снег, хотя довольно унылый, серый и влажный.

Немудрено подумать, что эта ветка предназначалась для строительства гнезда.

Так вот почему у той вороны (скорее всего у супруга вороны-мамы) не было половины верхней части клюва – не по клюву, видать, в азарте строительства гнезда, выбрал он ветку.

Вот если бы ту ворону (супруга вороны) поймать и сделать протез, – подумал я, – и была бы она такая же, как все в этой стайке. Но как ей (ему) сказать об этом?

Плоды просвещения

Стою на мостике, перекинутом через лог. Мостик небольшой, пешеходный, сваренный из труб.

Верх лога и справа, и слева занят преимущественно соснами и ещё кедрами, ниже – тальником и ольхой. По самому дну лога течёт ручей. Во время разлива большой реки вода заполняет и лог. Вместе с большой водой сюда на нерест заходит и мелкая рыбёшка: в основном сорога, чебаки и ельцы.

За короткое время вода в логу прогревается, создавая благоприятные условия для развития икринок. К концу лета вода в большой реке спадает, спадает она и в логу. Вместе с водой уходят и рыбки, но остаются мальки. Их стайки держатся у самой береговой кромки, тут безопасней и больше попадается корма.

В этот день, о котором я хочу рассказать, погода стояла спокойная, солнечная, и мальки блестели в воде, будто кто-то щедрой рукой набросал в воду серебряных монет.

Я остановился и стал смотреть на их «игру». Они проплывут против течения метр-другой и опять возвращаются на прежнее место, и так постоянно.

Группа ребят совсем ещё дошкольного возраста собрались в пригородный лесок. Они вошли на мостик и увидели, что дядька, т.е. я, стоит и смотрит куда-то вниз. Ребята остановились рядом и тоже стали смотреть.

Мальки так блестели на солнце, что казалось, они действительно играли. Мальчик, который на вид был чуть-чуть постарше своих товарищей, воскликнул:

– Ребята! Ребята! Смотрите сколько мальков, – миллион!

– Тысяча! – воскликнул мальчик, явно дошкольного возраста.

– Миллион больше, – утвердительно сказал первый мальчик.

– Знаешь? – сказал мальчик, который сказал «тысяча».

– Знаю, – с достоинством ответил тот, – я в школе учусь.

Вот они – плоды просвещения, подумал я.

Мальчики постояли ещё немного и пошли в лесок.

И я пошёл, но в другую сторону – в город.

Дом ребёнка

Аккуратный, двухэтажный особнячок уютно обосновался в небольшом дворике, заботливо ухоженном, с цветочными грядками, кустарником и небольшими деревьями. Центральный вход его обращён в сторону улицы и отгорожен от проезжей части металлическим забором. Улица малолюдная, маломашинная, идущая параллельно основной, городской, почти до самого центра.

Перед входом деревянное крыльцо. Над ним двускатный козырёк. Над дверью большими буквами обозначено, что это Дом ребёнка. Во времена моего младенчества такие заведения назывались Дом малютки, и я свою жизнь в этом городе когда-то давно начинал именно с Дома малютки, не с этого, конечно. В те голодные годы в каждом большом городе они были.

Особнячок спокоен, недвижим и таинственен, как будто жизнь в нём замерла до какого-то определённого часа, никому не ведомого, и когда я проходил возле него, особенно в первые разы по приезде в город, что-то в груди сжималось,

так сильно, что перехватывало дыхание, и слёзы сами по себе обильно набегали на глаза.

Хорошо, что улочка тихая, почти безлюдная, и не надо было ни перед кем стыдиться. Лишь однажды я увидел, как воспитательница и рядом с ней с десятков пар почти крохотных ребятишек в разноцветных курточках, как цыплятки, взяв друг дружку за крылышки, тихонько шли вдоль цветочных грядок к беседкам вглубь особнячка.

Со временем потихоньку-помаленьку всё как-то утишилось, – не то чтобы совсем успокоилось, но всякий раз, когда я подходил к Дому ребёнка, прежнее чувство начинало волновать меня с той же силой.

Однажды, почти перед самым моим отъездом, парадная дверь особнячка открылась и на крыльцо вышла не то чтобы молодая, но далеко до почтенного возраста пара – он и она. Между ними был мальчик, и они держали его за руки. Следом вышла женщина в белом халате, должно быть, директриса. Какое-то время она стояла и смотрела вослед уходящим.

Вот они сошли с крыльца, сделали несколько шагов по дорожке, идущей вдоль забора по направлению к калитке, и мальчик оглянулся. Я представил, что чувствовала в этот момент директриса. Она постояла ещё немного и зашла обратно.

Когда мальчик оглянулся, моя душа так затрепетала, так зашлась, что я буквально захлебнулся потоками слёз, и в тот момент просто был готов разрыдаться.

Впереди с большой кинокамерой, и наклонившись почти до уровня мальчика, тихонько отступая, снимал их кинооператор.

Мальчик больше не оглянулся. И я просветлённо подумал: Господи! Не оставь их своим вниманием!

Лагерный сад

Сад называется Лагерным.

Он рукотворный и находится на правом высоком берегу реки. В нём посажены тополя, сосны, кедры, берёзы и кустарники. Весной в сад прилетает множество птиц, а белки однажды поселились здесь и теперь живут постоянно. Их подкармливают, особенно папы и мамы, бабушки и дедушки, прогуливающиеся в саду с детьми.

Когда-то давно, ещё до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, и некоторое время после, здесь располагались летние лагеря курсантов военных училищ: пехотного, связи и артиллерийского и, вполне понятно, сад стал называться Лагерным.

Ещё – в нём обустроили мемориальный комплекс в память горожан, погибших на этой войне. Сад – одна из достопримечательностей города, и в любое время, в любую погоду, сюда приходят горожане, студенты и приезжие гости. Особенно прекрасен сад в предосеннюю пору, когда открываются изумительно великолепные виды за реку, где

желтеют поля созревающих посевов, озёра, старицы, дороги, а вдали – деревни и сосновый бор.

Я, приезжая в этот город, город моей юности, обязательно прихожу в Лагерный сад, перед тем на рынке покупаю стакан кедровых орешек, в основном, для белочек. Мои зубки давным-давно не те, когда я смог бы посоревноваться с ними. Белочек в саду не так много, но они есть и людей не боятся. Увидишь белочку, подойдёшь поближе, присядешь на корточки, вытянешь руку с угощением, и она обязательно подбежит. Бывает, что белочка сначала побегает около, как бы изучая ваши намерения, но всё равно любопытство берёт верх, и вот она уже около руки. Белочки не все орешки съедают, а некоторые и спрячут, выберут укромное местечко, положат туда, передними лапками-раз-раз-раз-присыпят и бегут за новыми. Может, поэтому, даже в тех местах, где и в помине нет кедра, вдруг появляются побеги маленьких кедрок. Я прошёл по саду почти до самого конца, и орешков у меня осталось совсем немного.

Последняя белочка, которую я угощал, поступала также – какие съест, а какие спрячет. Когда орешки кончились, я подумал, а что теперь белочка будет делать?

Она подбежала, проворно забралась на руку, поводила мордочкой по ладони, ища орешки, да как укусит за подушечку мизинца – ой-ой-ой! – словно несколькими иголками одновременно укололи, отпрыгнула и убежала.

– Не будешь обманывать! – наверно, подумала белочка, прыгивая с руки. Но всё равно моё настроение не испортилось, хотя, признаться, мизинец ещё долго побаливал.

Время было предвечернее. Солнце ещё не спешило сесть за горизонт. По саду прогуливались пары и горожане.

И уходить из сада совсем не хотелось.

Лариска

Лариса вышла из автобуса на остановке «Парк металлургов».

Погода стояла хорошая, солнечная, предосенняя. Все деревья парка, как бы стесняясь, начали примерять свои новые наряды, кроме сосен, кедра и пихт, которые по-прежнему остались невозмутимы и торжественны.

И Лариса решила немножечко погулять по парку, прежде чем отправиться домой.

В павильоне остановки было всего несколько человек, а справа павильона она увидела собаку нежного жёлто-коричневого окраса, чистую и ухоженную, по всему было видно, что собака домашняя, хозяйская.

Лариса непроизвольно подошла к ней, погладила, присела на корточки и легонько потрепала за ушки:

— Хорошая собачка, хорошая, ты чья? Как тебя зовут? Ой, да у тебя же совсем нет одной ножки.

У собаки была приятная, осмысленная мордочка, и Лариса подумала, что она всё понимает.

— Ладно, жди своих хозяев, а я пошла.

И она пошла в парк. Сделала несколько шагов и почувствовала, что собака неотступно идёт за ней. Она обернулась:

— Собачка, я не твоя хозяйка, знаешь у нас мама какая, попадёт и тебе и мне.

Погуляла уже вместе с собакой по парку и снова подошла к остановке в надежде, что там всё-таки находится её хозяин. Постояла немного, но никто не подошёл, не позвал собаку.

— Ну что ж, — сказала Лариса, — в крайнем случае, будешь жить у нас во дворе.

— Это что ещё за чудо такое? — спросила мама Ларису, когда она вошла в квартиру, — ну, дорогая моя, я, право, не знаю. Где ты её подобрала такую... безногую?

— Мам, — ответила Лариса, — она сама, я её только погладила. Она была на нашей остановке совсем одна.

— Ну, вот, погладила, а теперь и заботься о ней. Ты подумала, что скажем папе?

— Мам, если ты согласна, папу мы упросим. Смотри, какая собачка хорошая. Пусть пока поживёт у нас. Поместим объявление, если хозяин найдётся, мы отдадим. Вон у Таньки через подъезд и кошка есть, и собачка маленькая, а у нас совсем никого.

— Ладно, ладно, — ответила мама Ларисы, — но чтобы это никак не отразилось на твоей учёбе, договорились?

— Договорились, мамочка, — ответила Лариса, и стала звонить подруге, что у них теперь тоже есть собака и можно будет пойти и погулять, только она покормит её — и тогда.

Как была рада Танькина собачонка по кличке Муха, похожая на большой клубок пушистой шерсти с ушками, с ножками, и маленьким хвостиком.

Она крутилась и вертелась перед Ларискиной собакой, отбегала и снова подбегала, вызывая ту на догоняшки, лаяла, визжала, и жужжала, как самая настоящая муха, подпрыгивала к самому её носу, стараясь лизнуть, просто была готова выпрыгнуть из себя самой от радости, что у неё появилась такая подружка.

Папа приехал с последним вахтовым автобусом, была на заводе небольшая заминка при передаче смен.

– О, да у нас пополнение! – сказал он, погладив собаку, – ладно, я сейчас сполосну руки и попьём чайку.

Когда они сидели за столом, собака подошла, присела и стала смотреть то на папу Ларисы, то на маму Ларисы, а то и на саму Ларису.

– Лара, как ты назвала свою собачку? – спросил папа.

– Пока ещё не решила, – ответила Лариса.

– Покормила?

– Конечно, покормила, – ответила она.

– М-да, – ответил папа, – а как обычно называют собак... дамок: Сильва, Альфа, Жучка? Ну, Жучка, конечно, ей не подходит. А знаете что, – сказал он после некоторого раздумья, – давайте назовём её Лариской. Лара, как ты на это смотришь?

– Ну, ты тоже, – возразила мама Ларисы, – у нас и так есть своя Лариса, зачем нам ещё.

– Лара, а ты? Не обиделась? – спросил папа.

– Да нет, не обиделась, я согласна, – сказала Лариса, – пусть будет Лариска, она хорошая.

– Лариска! Пойдём-ка на место, – сказала Лара, стараясь придать своему голосу интонацию мамы.

– Пусть живёт, – сказал папа, когда Лара увела свою Лариску в прихожку, на отведённое ей место.

– Пусть живёт, – согласилась мама Ларисы, – чего теперь.

Лариска была послушной собакой. Она лишний раз на глаза не лезла, и не мешалась под ногами, в общем, признала и приняла и новый дом, и новых хозяев.

Часто, созвонившись, девочки выходили со своими собаками во двор и гуляли с ними. Муха уже не как прежде вертелась возле Лариски, но по-прежнему оставалась маленькой неугомонной непоседкой. Лариска привыкла ко всему новому настолько, что зимой её просто выпускали на улицу, где она могла походить по двору с ребятами из её подъезда, если они не были на занятиях, а то просто ложилась на снег возле крыльца и лежала, ожидая, когда её позовут домой.

Проходя около их подъезда, не зная почему, я звал её: Лариска! Лариска! Она поворачивала голову в мою сторону, и у неё было такое выражение, будто она хотела улыбнуться или что-то сказать.

Лариска никогда не лаяла и не рычала, даже и тихонько не подавала голоса. К весне она перестала появляться на улице. Возможно, нашлись её прежние хозяева.

Возможно, теперешние хозяева приобрели новую квартиру и переехали.

И жаль было как-то, что этой симпатичной собаки я уже никогда не видел.

Когда по нашим улицам бегали трамваи

Девочка Таня, ученица 2 «А» класса, вся в слезах пришла домой и расплакалась ещё пуще. Её мама Наталья Дмитриевна, работница отдела технического контроля (ОТК) завода, название которого я умолчу, была дома, у неё был обеденный перерыв, и она готовила обед для себя и дочери. Они жили вдвоём без папы – так получилось.

Увидев Таню заплаканной, она подошла к ней, обняла и прижала к себе:

– Что с тобой, доченька, – спросила она, – тройку получила, да? Ну и ничего страшного, до окончания четверти ещё не близко, исправишь.

– Нет, мамочка, не тройку, – серьёзно ответила Таня, обидевшись, что мама подумала, будто она получила тройку. Ведь Таня была твёрдой хорошисткой, почти отличницей, – меня тётя контролёр оштрафовала.

– Вот как! – удивилась Наталья Дмитриевна, – ладно, Таня, я сейчас спешу на работу, а ты поешь и убери со стола, вечером я приду, и ты мне всё расскажешь.

И Наталья Дмитриевна ушла.

Вечером они вместе поужинали, попили чаю, и вот что Таня рассказала:

— Мама, я после уроков как обычно села в наш трамвай, — это действительно был их трамвай, потому что он ходил по их улице, рядом с их домом, и остановка его была совсем близко.

Тогда в наших трамваях были такие кассовые аппараты с прорезью для опускания монет и круглой ручкой, которую нужно было покрутить на длину билета и оторвать его. Таня никогда не забывала, что войдя в трамвай, надо до следующей остановки приобрести билет.

Это было время, когда страна делала ставку на совесть и честность советского человека.

— Я оторвала билет, села на свободное место и не заметила, как ко мне подошла большая собака. Она понюхала мою руку, лизнула её и мой билет оказался у неё во рту. Через какое-то время вошла тётя контролёр и стала проверять билеты. Когда она спросила у меня, я сказала, что его съела собака.

— Какая собака, девочка, — удивилась тётя, — здесь нет никакой собаки.

— И правда, я посмотрела, а собаки уже не было. Я пробовала объяснить, что у меня действительно был билет, но она не поверила и сказала, что мне надо заплатить штраф.

— Я думала, что люди, которые видели, как я брала билет, подтвердят, но никто не подтвердил. И мне пришлось отдать все твои деньги, которые ты мне давала, я их так берегла.

И Таня снова начала потихоньку всхлипывать.

— Ничего, Таня, не расстраивайся, не плачь, вот получу на заводе зарплату и обязательно тебе дам.

Наталия Дмитриевна никогда не проверяла у Тани домашнее задание, только когда Таня сама попросит.

В их комнате на стене около двери висел репродуктор, были такие из плотной бумаги тарелки, которые подключались к розетке радиосети. В этот раз из него начали литься удивительные неаполитанские песни.

Когда песни закончились, диктор сказал, что их исполнял итальянский мальчик Робертино Лоретти, что у него в данное время ломается голос, и он находится под наблюдением врачей в ФРГ – Федеративная Республика Германия, тогда у них была ещё и ГДР – Германская Демократическая Республика.

А потом он придет и к нам.

Какой это был голос! Как это было удивительно, что всё время они сидели, слушали, и молчали.

– Да, – сказала Наталья Дмитриевна, немного погодя, – у маленькой птички всегда такой чистый и звонкий голос!

И сама удивилась сказанному.

Поэт и муза

Союз Советских Социалистических Республик.
Годы развитого социализма

Город N – типичный областной город Западной Сибири и, пожалуй, всего Советского Союза. Главная площадь – площадь Ленина, главная улица – проспект Ленина. Есть там и всё то, что характеризует областной центр: Филармония, Драмтеатр, Театр юного зрителя. Университеты: гуманитарный, технический, институты, техникумы, училища (колледжи), кстати, и музыкальный колледж имени известного музыканта и композитора тоже есть, ну и т. д.

Преподаватели музыкального колледжа однажды решили провести встречу с местными городскими поэтами.

Поскольку известные и признанные в городе поэты по каким-то причинам посчитали невозможным быть, они откомандировали довольно молодого поэта, по их мнению, подающего надежды. Он, волнуясь и трепеща, явился заблаговременно к колледжу, остановился на противоположной стороне улицы (проспекта) так, чтобы

хорошо был виден подъезд. В который раз мысленно прочитал стихи, что приготовил, проверил закладки, и посмотрел на часы – осталось десять минут, надо идти.

Он перебежал улицу (проспект) и с небывалым волнением вошёл в подъезд.

В фойе стояли несколько студенток, они на него даже не посмотрели. На первом этаже находилась раздевалка, она не работала, поскольку стояла ранняя осень, нарядная и теплая. На второй этаж вела широкая лестница белого мрамора.

– Жили же сибирские купцы-миллионщики, – произвольно подумал он.

Справа в метрах двух-трех от лестницы за столом сидела дежурная преподаватель. Он подошёл к ней и представился, что он такой-то, что больше никого не будет, что все заняты и просили их извинить.

– Хорошо, – сказала дежурная, – пойдемте наверх, там вас уже ждут.

Она оставила за себя одну из студенток, и они поднялись. Зал был небольшой, но почти полный, в некоторой его глубине находился белый рояль. Аудитория состояла из одних студенток и это его как-то успокоило. Они посмотрели на него снисходительно, но с некоторым интересом, что, мол, это за поэт, совсем не похожий на человека, который может что-то сочинять и, даже, в рифму.

Преподаватель постучала своей дирижерской палочкой по ладошке левой руки, требуя внимания, и представила поэта. Поэт поднялся и сказал совсем слабым голосом, – «Здравствуйте!»

– Здравствуйте! Здравствуйте! – послышались в ответ негромкие улыбчивые девичьи голоса. Он постоял некоторое время в раздумье, не зная с чего начать. Дежурная успокоила

его, чтобы он не волновался, немного рассказал о себе, а после почитал стихи.

Поэт приободрился и уверенней посмотрел в зал.

— Вы знаете, — начал он, — у меня в жизни ничего особенного не случилось: детсад, школа, армия, институт, теперь вот работаю на буровой помбуром, набираюсь опыта, а стихи, они как-то приходят сами собой. Я прочитаю вам несколько стихотворений из этой книжки. Потом оставляю её вам, может, кто захочет почитать.

Он приподнял книжку, чтобы все могли увидеть, и открыл на первой закладке.

*Я хожу по буровой
С непокрытой головой.
Солнце знатно припекает,
Скоро лето, бог ты мой!*

*Скоро лето. Скоро лето.
Это значит, это, это
Я поеду в город Томск,
Прилечу на самолёте
И в деревню сразу, к тётке,
К остальной родне потом...*

Когда он дочитал, то понял, что такие стихи девушкам не очень интересны. Он пролистал несколько закладок из этого цикла и остановился на небольшой подборке.

Подборка называлась «Любовь–Любовь».

— Вот стихотворение, оно сложилось по окончании школы, когда я намеревался уехать на одну из больших

ударных комсомольских строек, тогда по нашей реке еще ходили пароходы...

*По какой неведомой мне силе
Ты пришла, стоишь вот у причала,
Ты ж мне ничего не говорила,
Ты ж мне ничего не обещала.*

*Я и сам тебе при нашей встрече
Ничего такого не поведал,
Просто я сказал, что в этот вечер
Навсегда из города уеду.*

*Без печали я смотрю, без боли
На тебя своим мальчишьям взглядом.
Просто мы учились в одной школе,
Просто жили мы с тобою рядом.*

*Пароход отходит от причала,
Словно птица крыльями бушует.
Что-то сердце громко застучало –
Веришь, жди, уж скоро напишу я.*

Зал не то чтобы отозвался бурными аплодисментами, но благодарными. И поэт понял, что всё будет хорошо. Далее взгляд его остановился на стихотворении:

*В гулких переходах коридоров
Отзвенели все мои звонки...*

Однако читать его не стал, слишком оно личное.
– А вот написанное почти сразу после армии, – сказал он.

*Не опускай свои ресницы,
Не опускай. Не опускай.
Пусть целый мир на них дивится,
Пускай, пускай. Пускай, пускай.*

*Пусть каждый, встретившись с тобою,
И взглянув лишь, и взглянув лишь
Увидит небо голубое,
А в небе – стриж. А в небе – стриж.*

*И станет день и чист и ясен
Из века в век. Из века в век.
Как мир хорош и как прекрасен
Сам человек. Сам человек.*

Девушки уже веселей похлопали всем залом.
– Да, конечно, это им более понятно, – подумал поэт. Он
оглянулся на ведущую, она одобрительно кивнула.
Он прочитал следующее.

*Ах, зачем к нам приходит весна
Ах, зачем зеленеют сады.
Я хотел о любви рассказать,
Испугался твоей красоты.*

*И куда я теперь не пойду,
Твоё имя шепчу я любя,
Неужели себе на беду
В этой жизни я встретил тебя.*

*Пусть на улице дождь проливной,
Я унять его не молю.*

*Ты спроси. Ты спроси, что со мной.
Я отвечу, отвечу – Люблю!*

Последнее слово он произнёс приглушенно, как бы стесняясь его.

Прочитал ещё несколько стихотворений, и в заключение решил прочить из геологической практики.

– Студенческая гитара, – прочитал он бодро.

*Красотой она не блещет
Залы ей не рукоплещут,
Но не плачет на судьбу она свою.
У костра и на привалах
Всюду первый запевала,
Запоёт она и все ей подпоют.*

*Дождик скачет по палатке,
А палатка вся в заплатках,
Значит, в ней, как в океане, воды,
Но унынию нет места,
Потому что, как известно,
Выручает нас гитара из беды.*

Дальше я не стану приводить полный текст, оно состоит из целых шести шестистиший, а в общем это стихотворение-песня.

Когда он закончил читать, ведущая поднялась и сказала, что время встречи почти истекло, и если у кого есть вопрос – спросите.

Поднялась девушка из средних рядов.

– Скажите пожалуйста, у вас есть семья? – спросила она.

– Да, – ответил поэт, – у меня мама, отец, старший брат, я и младшая сестра.

– Я о вашей семье, лично вашей.

– О мосей!? – он посмотрел на ведущую, что она подскажет, что посоветует.

– Что вас вдохновляет писать стихи? – добавила девушка, – ведь у каждого поэта непременно есть муза, которая руководит им.

– Вот у Пушкина и Лермонтова музой была сама Россия, для меня это слишком высоко, – сказал поэт.

– Тогда, знаете что, можно я буду вашей музой?

Он так растерялся, что никак не мог сообразить, что и ответить.

– Наталья, сядь, сядь, твои шутки здесь неуместны, – сказала преподаватель, стараясь вывести поэта из неловкого положения.

– Ольга Анатольевна, – ответила Наташа, – я нисколько не шучу. Правда, товарищ поэт, можно я буду вашей музой? Вы будете писать стихи, а я когда выучусь на композитора, буду перекладывать их на музыку. Ольга Анатольевна мне поможет, ведь ещё целых два курса.

– Наташа, ты можешь стать композитором, песенником, – уточнила преподаватель, – а вот Чайковским не станешь, прости меня.

– Вы правы, Ольга Анатольевна, Чайковским я не стану, ведь я всего-то Чайкина.

– Так вы согласны, товарищ поэт? – обратилась она к нашему поэту.

Поэт покосился на преподавателя и вздохнул.

– Ага, молчите, а молчание – знак согласия. Девочки, позвольте, – она прошла между рядами.

Когда поднялась на сцену, поэт непроизвольно уступил ей место рядом.

— Ну, Наташа, ты просто ух, ух! — сказала преподаватель. Она напонила, что время, как бы того не хотелось, вышло и только осталось поблагодарить гостя за чудесные минуты встречи с поэзией.

Аудитория стоя от души поаплодировала поэту.

Когда шли к выходу, Наташины подружки подбадривали её:

— Молодец, Наташка! Поздравляем!

Перед тем как выйти на улицу, Наташа взяла поэта под руку:

— Товарищ поэт, вы уж меня не бросайте.

На улице (проспекте) Наташа обернулась:

— Девочки, мою кровать не занимать. О, видите, товарищ поэт, я уже говорю почти что стихами.

Да, она была из небольшого районного городка и жила здесь в студенческом общежитии.

Поэт находился в душевном стеснении и молчал.

— Вы знаете, мне особенно понравилось стихотворение, где о ресницах. Мне кажется, оно похоже на романс. Вы мне его спишите, а то Ольга Анатольевна сможет опередить меня и сама напишет. А у меня есть парочка песенок, таких, школьных.

— Наташа, я не состою в Союзе писателей, у меня всего одна книжечка, а надо, как минимум, две.

— Э-э, не огорчайтесь, будет и две, и больше.

Они шли и разговаривали уже просто как знакомые по главной улице города, проспекту Ленина в своё светлое грядущее.

А грядущее?! Вот оно. Вы сами знаете, что у нас на дворе. Как поется в песенке: «Главней всего, погода в доме».

Несколько возражений по поводу...

Прекрасный полдень сибирского лета.

Ночью гремела гроза, к утру успокоилась, и вот благодать идти умытыми улицами, наслаждаясь солнечными бликами в лужицах.

Возвращаюсь с переговорного пункта, настроение не очень, но и не такое, чтобы огорчаться слишком.

В Москве, в не ахти каком громком издательстве готовится моя первая небольшая книжечка стихов.

Сказали, что книжка почти готова, осталось найти бумагу. И это в который раз. Это было время, когда таким как я разрешили издавать свои произведения на собственные средства.

Вдоль улицы, сё пешеходной стороны, стоят женщины с цветами, продают. Иду, гляжу, вдыхаю ароматы. Одна женщина, у которой просто невообразимо красивые букеты, меня окликает: «Молодой человек, подождите, купите букетик для вашей девушки, смотрите, какие красивые цветы». Я замедляю шаги, смотрю, но не покупаю – дарить

некому, жаль. А в голове уже, как будто навсегда, строчка – «Молодой человек, подождите».

Да это же стихи. Первая строка. Надо не забыть. Не забуду. Память ещё достаточно цепкая, особенно на стихи. И вот от радостного настроения приходят строки:

*Молодой человек, подождите,
Слышен голос, как бы с высоты,
На минутку сюда подойдите,
И для милой букетик купите,
Посмотрите, какие цветы!*

Вторая строка мне кажется не совсем, ударение на бы (как бы'), а так, вроде бы, ничего.

И тут я встречаюсь со знакомым, тоже поэтом.

Здороваемся.

– Как дела? – спрашивает.

– Да, что сказать, так себе, – отвечаю.

– Пишешь?

– Помаленьку, изредка.

– А я бросил. Всё равно никакого толку. Сходил несколько раз, где мы собирались, никто не приходит, и я перестал ходить. Надеяться не на что.

– Да и я, признаться, в таком же положении, никого из наших уже давно не встречал. Такое время. Такие дела.

– Не думаешь уезжать?

– Нет, мне некуда, да и не к кому. Отца не помню совсем. Мама! Мама, не стало прошлой весной. Брат и сестры маются в своих квартирках, так что я здесь надолго, да и работа.

– Я уеду. Не решил, но уже. Мои родители живут на юге области. Свой дом, участок. Пока остановлюсь у них, а там видно будет.

И мы попрощались.

Признаваться, что у меня готовится в самой Москве книжечка стихов, не стал, зачем огорчать человека. Притом, готовится-то она за мой счет, для этого пришлось продать часть акций «Сургутнефтегаза», позже расстался и с остальными.

Пока дошёл до своего рабочего общежития, где у меня койко-место, окончательно сложился и стишок о букетике цветов:

*Да, цветы ваши просто на диво,
Изумительны, что говорить,
Будет девушка чья-то счастлива
И к груди прижимать горделиво,
Жаль, что некому мне подарить.*

Не очень бодрое окончание, но что делать, это правда.

Когда-то, уже не помню когда, сестра переслала мне письмо моего давнишнего товарища, с которым мы начинали свой путь к стихам. Тогда я после армии поступил в институт на первый курс геологоразведочного факультета.

Он работал на заводе. Позже, окончит строительный техникум и уедет на Дальний Восток по распределению.

В городской молодёжной газете помещали объявление, что такого-то числа, в помещении редакции, во столько-то часов состоится собрание любителей поэзии, приглашаются все желающие.

Он заходил за мной, и мы вместе шли. Конечно, поэтами мы были никакими, и к тому же, страшно стеснительными, скорес всего от того, что в стихах оба ни бум-бум. А приходили ребята из университета начитанные, эрудированные, они громили в прямом смысле любого и друг друга, ого-го как. Мы восхищались, но сидели тихо, боясь, вдруг спросят. Может быть и прав Маяковский, сказав: «Надо, чтоб поэт и в жизни был мастак!»

Только-только от посещения этих занятий и от чтения всего, что касалось стихосложения, мы стали немного соображать в этом деле, как грянула перестройка, и пошло-поехало, всё закрывалось, продавалось-покупалось, крушилось и крышилось, творился полный разгул...

И только благодаря Божьей милости, страна как-то сохранилась. И вот после многих и многих лет мне попадаетеся на глаза каким-то образом сохранившееся его письмо. Привожу не всё целиком, а самую суть.

«Милый ты мой человек. Спасибо за письмо, за стих. Стих далеко не лучший из твоих стихов – не помню, что ему посылал – ужасно не люблю читать стихи в рукописях. Стихи – это трудная штука. К чёрту их, к чёрту! Надо жить легче. Жить надо лишь для себя, для своих детей, а если пишется, то и писать для себя. Нам не выбиться. Брось, брось. Пишущих много, и любая газета нас не согреет. Допустим, сборник родится, но на поэзию мы не проживем.

Нет, с меня хватит...»

Дальше идут его советы по жизни. Давно мы не переписывались, и его телефона у меня нет.

Дай, жизнь, ему всего, что он хотел.

Небольшое письмо от очень хорошего человека, прошедшего войну, закончившего педагогический институт, и преподающего в школе в старших классах.

«Дорогой! – тут моё имя и, даже, отчество.

Спасибо за книжки – три книжки, высланные ему через нашего общего знакомого. Прочитал их с удовольствием, их хорошо и легко читать и, признаться, преисполнен светлой радостью. Поражаюсь, как могла Усть-Чижанка, с весьма неказистой, в общем-то, природой воспитать такое дарование. Не скромничай, а гордись.

Я и сам рад, что в какой-то мере причастен к нашему васюганскому краю.

Приедешь, обязательно заходи, будем рады».

Его имя и имя его супруги.

Спасибо, огромное спасибо!

Да, стихи – это не только Божий поцелуй в макушку, а что-то, что-то, что-то ещё...

Спасибо романсам

Меня пригласили в филармонию на Петра Ильича Чайковского, на его романсы. Билет куплен и мне его передадут, только обязательно быть минут за пятнадцать до начала.

Что ж, надо идти, коли пригласили, к тому же я люблю романсы, особенно старинные, русские.

Сдал пуховичок, принял билет, стою, осматриваюсь увидеть знакомые лица, не вижу, как-то даже неудобно стоять одиноко среди множества народа.

Вот кто-то подходит, сзади обнимает за плечи: «Здравствуй, дорогой дядя Коля. Как тебе живётся?» Оглядываюсь, да это же моя давняя знакомая, когда-то она пыталась научить меня компьютерной премудрости. К моему величайшему огорчению я эту самую премудрость так и не освоил. В то время мне было очень, и даже очень-очень не комфортно, мягко говоря. Ну да ладно.

Незадолго до всенародной компьютеризации мне удалось приобрести печатную машинку, и я мало-мало приспособился на ней печатать, но прежде стихи писал от

руки в общей тетради с последней страницы наперёд ещё по институтской привычке, на первых страницах писал лекции. В то время тетради, особенно общие, были в большом дефиците, а о компьютерах только ещё велись разговоры. Теперь компьютеры всюду: и на работе, и в квартирах, и везде, а машинки отправились, в лучшем случае, в музей.

— Не особо весело, — отвечаю, — похвастаться вроде бы нечем.

— А книжки!

— Книжки? Может быть, но утешение не ахти какое.

— Э-э-э, не прибедняйся, я твои книжки, особенно которые для детей, использую в своей семье с целью воспитания.

— Ты знаешь, у меня две дочери, и у каждой по девочке, видать, обе в меня, у старшей — два годика, у младшей — годик. Старшая дочь с семьёй живет отдельно, а младшая со своей пока у меня. Часто мы собираемся вместе. Иногда дочери оставляют своих малышей на меня, а у меня и своих дел бывает хоть отбавляй, приходится время от времени брать работу на дом.

— Я внукам сварю кашку, накормлю их, уложу, беру твою книжку, которая с особенно яркими картинками, прочитаю парочку стихотворений, отдаю старшей и говорю: читай дальше вот отсюда. Она берёт и, важная такая, что ей доверили, начинает ЧИТАТЬ, а младшая — вся внимание, слушает в восхищении — вот какая у неё сестра умная!

— И они заняты, и у меня есть время для себя. Бывает, слышу — замолчала — уснули, а бывает наоборот, через какое-то время зовёт, чтобы я принесла ещё и другую.

— Так что поздравляю — твои книжки даже двухлетние дети читают.

К нам подошла её сослуживица и сказала, что пора идти в зал, потихоньку и я последовал за ними.

Вечер прошёл великолепно. На последнем романсе зал поднялся и аплодировал стоя.

Надо подумать...

Осень. Дождь. Работаю на буровой.

Заняты установкой на устье кондуктора противовыбросового оборудования, т.е. превентора.

Ночь.

Дневная вахта кондуктор пробурила, спустила трубы, зацементировала, а нам, ночной вахте, досталось оборудовать устье. Для этого на кондуктор наворачиваем патрубок, на патрубок – фланец, на фланец и сам превентор установить надо.

Резьбовые соединения метрические, с маху не получается, надо аккуратно, не спеша.

Под буровой сыро, освещение слабое, поэтому всё делаем почти на ощупь.

И тут слышу, будто какая-то железяка грохнулась на ротор.

Что за железяка, неужели с кран-балки свалилась? Надо пойти, посмотреть, мало ли что.

Поднимаюсь, смотрю. На столе ротора лежит небольшая утка, чирок. В этой осенней промозглой мгле его привлекли габаритные огни буровой. Вот и натолкнулся.

Почему я об этом говорю? Да потому, что однажды в отпуске на юге Западной Сибири в начале осени, или самой осенью, я утром возле огромного торгового центра увидел лежащую на земле синицу. Подумал, что она, может быть, склевала что-нибудь не то, а птицы, уверен, что-нибудь не то клевать не станут.

А спустя несколько дней, почти на том же самом месте, увидел зимородка, симпатичную птичку, отличного рыболова.

И как тут было мне не вспомнить, что несколько лет тому, я приехал в эти, дорогие мне места, и пошёл узнать как с черёмухой. В детстве, вдоль реки и её проток росло множество черёмухи. Весной они просто утопали в белой кипени цветов, а к концу лета на них было столько ягоды, что местные жители называли – рясно, и запасались вёдрами.

Ах, эти пирожки с черёмухой!

В тот год ягоды не было совсем, ни одной ягодки, и я пошёл к реке ополоснуть лицо и руки. Подошёл, присел на корточки, ополоснулся, и моё внимание привлекла маленькая птичка – зимородок, сидящая на бугорке возле воды. На меня она не обратила никакого внимания, хотя присел от неё в метрах трёх, от силы, пяти.

Я присмирел, думая, что она станет делать. Так прошло несколько минут. Вот она бесшумно, как стрелка, вонзилась в воду и появилась из неё с рыбкой во рту, т.е. в клюве, и улетела в прибрежный кустарник, должно быть, кормить своих деток.

Тот торговый центр был облицован каким-то голубоватым материалом, похожим на стекло. К осени птицы начинают

перелетать, одни поближе к местам, где привыкли проводить зиму, другим – это привычный путь перелёта, и быются о такие конструкции, принимая их за открытое пространство. Неужели нам с нашими-то расстояниями необходимо возводить эти высотки – скребки неба – небоскрёбы, чтобы кому-то доказать или что-то другое?

Надо подумать!..

Золотой ключик

В далёкие, далёкие-предалёкие времена, конца сороковых годов двадцатого столетия, я воспитывался в Усть-Чижапском детском доме, что находился на реке Васюган в устье реки Чижапки, на самом севере Томской области. Деревня по деревенским меркам была большая. Кроме детского дома, была семилетняя школа, красивая, о двух этажах. Был колхоз, сельский совет, почта, участковый милиционер, пекарня, и, конечно, клуб. Клуб основную часть времени был на замке, а по приезду кинопередвижки – открывался. На сеанс клуб набивался до отказа, люди сидели на скамейках, на полу, стояли у стен. Это для деревенских был настоящий праздник. И нас, детдомовцев, тоже организованно водили. Помню трофейные фильмы: «Тарзан», «Королевские пираты», из наших – чёрно-белый немой фильм «Пугачёв». Особенно нам, детдомовским ребятишкам, понравился мультфильм «Золотой ключик», который мы потом рассказывали и пересказывали друг другу.

Позже, уже основательно повзрослевшим, я снова посмотрел «Золотой ключик» по телевидению. Он был тот

же, и всё же не тот. Из него убрали, по мне, самый главный эпизод. Это когда Буратино со своими друзьями, спасаясь от Карабаса-Барабаса, в камерке папы Карло, пропахшей стружками и столярным клеем, отодвинули от стены полотно, на котором был нарисован очаг, и за ним оказалась дверь, и золотой ключик как раз подошёл к её замку, и дверь открылась, и пошли кадры: Москва, Кремль, Спасская башня. И всё это освещалось яркими расходящимися лучами солнца, звучала музыка и пелись слова:

*Далёко-далёко за морем
Стоит золотая стена.
В стене той заветная дверца,
За дверцей большая страна!*

И все во главе с Буратино пустились в пляс. Как это было величественно, как торжественно... мне, маленькому мальчику, вселялась в душу невероятная светлая радость – гордость, и невольно на глаза набегали слёзы от предчувствия пусть не скорого, но так возможного счастья.

Что поделаешь, другие люди, и деги другие, и страна совсем другая. Всё другое. Прошла основательная смена поколений и их идеалов. Естественный процесс.

Должно быть, наверху очень бдительные дяденьки в словах: «*Далёко-далёко за морем стоит золотая стена и т.д.*» усмотрели что-то такое, что наш советский народ, уже перестроечный, не должен знать и даже подумать не мог, что-то неуютное этим дяденькам, и убрали на всякий случай, чтобы не смущать народ, как говорится, от греха подальше.

«Золотой ключик» – тот самый, лучший мультфильм моего советского детства.

Не так давно закончилась война, и все мы жили тогда в предчувствии скорых ожидаемых радостных перемен.

Берег озера

Если заглянуть вглубь времени, окажется, где стоит наш город, плескался океан, и солнце согревало нашу планету так, что в океане водилось неисчислимое множество всякой живности и таких размеров, что мы и представить себе не можем.

Живущие в воде ещё не имели чешуи, а кто пробовал выходить на сушу, не обладали ни шерстью, ни перьями – они были ни к чему. И лишь с постепенным остыванием планеты стали ими обзаводиться.

Всё это рождалось, жило, умирало и опускалось на дно. Там их заносило песком, пылью космической, илом и всяческими обломками. Так это накапливалось один слой за другим, и на больших глубинах, где температура соответствующая и давление накопившихся над ними осадками, из них образовывались капельки нефти, а из неисчислимого количества этих капелек получалась залежь, то есть месторождение, и оно состояло из нескольких таких слоев.

Моя племянница подобный слоистый пирог-торт называла гнилым, то есть гнилой торг.

Месторождения Западной Сибири чем-то похожи на торг моей племянницы. Если мы нашу Западную Сибирь представим огромной чашей, то вполне понятно, что самые лакомые куски в виде нефти будут находиться на ее середине, наиболее глубокой части, тот есть в Среднем Приобье, а ближе к краям этой чаши станет накапливаться газ, как более легкое и более проницаемое вещество.

Растительность тогда была более чем обильная, даже папоротники по сравнению с нынешними были огромные, как деревья, что можно увидеть на сколах глыб каменного угля, добытого с глубин в тысячу и более метров. Одна эпоха сменяла следующую, одна катастрофа следовала за другой, и по-моему убеждению, их было великое множество, и вот, наконец-то, образовалась на этом месте Великая Западно-Сибирская низменность со множеством рек, озёр и болот.

На берегу одной из таких рек и стоит наш город. Конечно, он вырос не сразу. Прежде, с уходом воды, сюда пришли люди и стали селиться. Сначала разрозненными семьями, потом общинами, потом поселениями, и вот образовались города. Города строятся, растут, теперь не только вширь и длину, но и в высоту, и сколько город затратит материала на строительство своих высоток, столько же он произведет строительного мусора.

А куда его девать?

Это вопрос вопросов!

Считается, что легче и проще его сваливать в овраг, в какую-нибудь ложбинку, а то и в озеро; завалить его, засыпать, а это место определить под застройку.

Вот такая участь выпала и нашему озеру. Оно было не очень большое и не очень глубокое, но чистое, на берегах его

росли кусты тальника и вербы, а на воде вблизи берегов плавали жёлтые кувшинки.

Сначала озеро было зоной отдыха, в основном, для ребятишек. Они приходили к нему, купались, загорали, ловили озёрных гальянчиков, случалось, попадались и карасики величиной с ладошку почти красные, как пять копеек тех ещё советских, и называли их пяточками. При хорошей погоде плавали по озеру на плотиках, собранных из брёвнышек и досок, и гребли кто чем мог, а то и просто руками, или отталкиваясь шестом о дно. Позже к озеру машинами укатали дорогу, и вдоль берега стали селиться люди, строили свои жилища без всякого плана, кто на что горазд. Кто из брёвен, кто из бруса, а кто и просто соорудил избушку-насыпушку, где доски снаружи, доски внутри, а между ними засыпались опилки.

Город вынужден был взять их на учёт как «Берег озера». К нему подвели свет, организовали подвоз воды и жизнь пошла своим чередом. Озеро засыпали, засыпали и засыпали основательно со всеми его гальянчиками, карасиками и кувшинками.

Так «Берегу озера» суждено было стать ещё одним жилым микрорайоном.

И вот от всего поселения «Берег озера» осталось одна избушка с пристройкой в виде сенок, пожилой женщины и её собакой, обыкновенной, беспородной, большой, пушистой и очень доброй. Собака не столько охраняла избушку и её хозяйку, сколько жила при них.

Ещё когда «Берег озера» был сплошь деревянный, почти при каждом доме жили собаки, и лаяли только когда около них проезжала машина.

А вечерами у собак начиналась переключка, они перелаивались между собой, вроде говоря друг другу, что всё

хорошо, что хозяева вернулись с работы и теперь готовятся ужинать. Другие собаки радостно откликались, что у них тоже все хорошо, все в порядке. К ночи они успокаивались, лишь изредка какая подаст голос, и то как бы извиняясь.

Наконец и нашу хозяйку уговорили переселиться в одну из высоток, возведённых вблизи, а избушку обнесли забором, чтобы в неё никто не лазил и случайно не устроил пожар.

Какое-то время собаки не было видно, но вот вечерами всё чаще и чаще она стала прибегать к своему дому, и сидела в ожидании хозяйки.

Прохожие пробовали её подкармливать, но не это было собаке нужней.

Строители стали во двор завозить свою технику, расставлять её, забивать сваи, шуметь, греметь и собака почувствовала, что они чужие, и она здесь только мешаетя.

Вечерами, когда строители уезжали по домам, собака подходила к забору и начинала жаловаться, нет, не визжать, не лаять, а именно жаловаться. Она вспоминала, как, плача, причитала хозяйка, когда ей было плохо, и непроизвольно начинала подражать её плачу:

– ы-ы-ы, ай-ай-ай, ой-ой-ой. Что же мне теперь. Куда мне теперь. Совсем одна, и пожалеть некому.

– и-и-и, ай-ай-ай, ой-ой-ой. Что же мне остаётся?

Строители все пространство заставили своей техникой и для собаки место уже не оставалось. Прошло ещё несколько дней, и она перестала приходить к своему дому.

Что с ней случилось, не знаю.

А ведь можно было обойтись и по-другому. Облагородить этот уголок, озеро почистить, проложить дорожки, поставить продуктовые павильоны, мороженого там, напитков, летние бары, да и мало ли что. Закупить несколько «тузиков» — лодочек для прогулок по озеру – и благодать. И вот ещё одно

место для культурного отдыха горожан. Но что сделано, то сделано.

Сан Саныч

В детстве, в мои школьные годы, я ещё захватил то время, когда в нашей стране – СССР – было раздельное обучение, то есть девочки учились в своих школах для девочек, мальчики в своих – мужских. Пятых классах в школе, где я учился, было «а, б, в, г, д, е». В классы – «а», «б», ну ещё «в» отбирали лучших учеников, а в такие как «в», «г», «д», «е» – наиболее слабых.

Меня определили в 5 «е», мама опасалась, что я, приехавший из деревни, где окончил четыре класса только на четыре и пять, здесь в городе буду отстающим.

Она даже записала меня, чтобы я походил с теми ребятами, которых оставили на осень. Я сходил всего на два занятия, а на третьем учительница, ведущая эти занятия, мне сказала: «Мальчик, тебе приходить больше не надо». Я об этом сказал маме, маму это немножко успокоило. Наших деревенских учительниц мы, ребяташки, уважали и старались их не огорчать.

За всё им большое спасибо.

Нашим классным руководителем, или ответственным за наш класс, был назначен Сан Саныч.

Он вёл у нас арифметику. Мы не единственные были, за которых он отвечал, потому что он преподавал еще математику и физику в старших классах. У него не было одной руки, левой, и он пустой рукав её заправлял под офицерский ремень полувоенного френча.

Иногда на большой перемене он подходил к нашему туалету, из которого уже облаками валил папиросный дым, и каждому ученику, выходящему оттуда, выдавал по подзатыльнику, даже и вовсе не курящим. Кое-кому удавалось и проскочить под его рукой. Подзатыльники эти были безобидные, скорее всего, в назидание, чем в наказание, и на этом борьба с куряками и ограничивалась. Никакого иного наказания за курение не применялось.

Как-то несколько занятий в нашем классе вела арифметичка, преподававшая в пятых классах отличников, и как раз выпала новая тема – десятичные дроби.

К нам она относилась как бы с некоторым пренебрежительным снисхождением.

Может быть, оттого, что в нашем классе, 5 «е», почти у всех ребят родители работали на заводе в цехах, а в пятом «а», её подопечном, в основном, были ребята из хороших семей – интеллигентных.

– Кто из вас выйдет к доске и объяснит нам, что такое десятичные дроби? – сказала она, как бы зная наперёд, что никто не выйдет.

Я осмотрелся – ни одной руки, и я не поднимаю, вот ещё выпячиваться. Переспросила раз и другой, и вышла из класса, мы подумали, что пошла жаловаться. Нет.

Скоро вернулась с мальчиком из 5 «а», отличником, мамёнкиным сыном. Мальчик на десяти яблоках объяснял

нам, что такое одна десятая их часть и даже написал это на классной доске.

Я подумал, что нисколько не хуже смог бы рассказать о десятичных дробях, и не только я один, но промолчал. Учительница горделиво проводила мальчика до двери.

– Так! – сказала она повелительно, – к завтрашнему уроку, чтобы на такой-то странице, такие-то и такие задачи были решены, кто не справится, тому – 2.

Урок закончен. Зазвенел звонок, мы встали, и пока учительница не вышла из класса, молча стояли у своих парт. Конечно, некоторым ребятам ей действительно пришлось поставить двойку, и не потому, что не смогли понять и осмыслить, а потому, что у многих даже места для занятий дома не было, не то чтобы иметь свой письменный стол.

Вот к нам каждый год приходила комиссия из всевозможных ОНО – рай-гор-обл, как к семье, где три ученика – две девочки и один мальчик – я, ученик средней школы, обитавшие в комнате, занимали два угла; два других принадлежали другим жильцам.

Приходили, замеряли и я ползал под кроватями, держа конец ленты, и слышал из года в год, что ширина и длина нашей комнаты неизменна — 4,02 метра. Раньше это строение было конюшней артиллерийского училища, стойла которого оборудовали под комнаты для одиноких работников завода. От очередных их посещений у нас ничего не менялось. Я закончил школу и комиссии перестали к нам приходить.

Вернулся Сан Саныч, и по его виду было заметно, что он чем-то расстроен.

– Здравствуйте, ребята, садитесь, садитесь, – сказал он.

– Не справились с десятичными? А я-то думал, что вы у меня просто молодцы-удальцы!

– А что она сразу за своим любимчиком побежала, мы и сами смогли бы.

– Не очень удобно мне было слушать нелестные слова о вас, ребята.

– Прошу держать марку своего класса высоко. В футбол-то вы вон как, старшим только один гол уступили на первенстве школы. Рад. А учиться надо на всем серьёзе. Вот окончите школу, поступите в вуз, там знания нужны крепкие. Ладно. Заканчиваем лекцию.

– Сан Саныч, многие из нас после школы пойдут на завод мантулить, то есть работать, сначала учениками токарей там, слесарей, жестянщиков. Нам аттестат получить бы, чтобы родители были довольны.

– Дорогие мои! На заводе тоже нужны знания, дадут, к примеру, вам деталь выточить, а вы и чертежа её не сможете прочитать, как к нему подступиться. Так что давайте учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал нам наш дорогой Владимир Ильич, и вообще, знания нужны, чтобы сообразилка работала. Договорились!

– Договорились! – ответили мы дружно

Вскоре в стране началось совместное обучение: девочки-мальчики в одной школе.

Мама перевела меня в другую школу, что поближе к нашему дому. И такого учителя, как Сан Саныч я уже не встречал, но запомнил: «Надо учиться, чтобы сообразилка работала!»

Вася

Молодая семья: папа, мама и их сынишка Вася, ученик младших классов средней школы, решили сходить в парк, который совсем недалеко от их дома, погулять, подышать, как говорится, свежим воздухом и, если будет настроение, покататься на «ватрушках». В этот день и у мамы, и у папы Васи выпали выходные, и поэтому они решили провести их вместе, всей семьей.

Погода на удивление этому благоприятствовала – светило солнце, ветра не было почти совсем, и снег, выпавший на днях, был чистый, мягкий и хорошо лепился в снежки. И папа, и мама произвольно стали, шутя, кидаться ими. Вася, конечно, встал на сторону мамы, и папа, чувствуя, что он проигрывает, спрятался за большую сосну. Когда жар «сражения» стал немного спадать, папа изловчился и, брошенный мамой снежок, поймал ртом, чем вызвал у всех неудержимый смех, скажу для рифмы.

Насмеявшись, они вышли на почищенную снегоуборочной машиной дорогу и пошли по ней.

Пройдя немного в сторону горки, они увидели на стволе дерева, сосне, нечто слепленное из снега и сразу было непонятно что это? Зайчик – не зайчик, кролик – не кролик, зверушка какая-то, карабкающаяся вверх.

— Он похож на маленького медвежонка, – сказал Вася.

Васе нравилось рисовать и лепить, и его папа с мамой решили на следующий учебный год записать в художку, то есть художественную школу.

— Да, – согласился папа, – он похож на маленького медвежонка с большими ушами.

Мама улыбнулась и толкнула папу в плечо: – Тоже, скажешь.

Они сделали несколько снимков на телефон с этим медвежонком.

В пункте проката взяли «ватрушку» и Вася с удовольствием и радостью покатался на ней среди таких же как он сам веселых ребятшек. Даже мама не удержалась и один раз прокатилась, а папа не стал, он же не маленький.

Спустя некоторое время, мама сказала, что день клонится к вечеру, а дома ещё и обед не готов.

Домой они пошли по другой стороне парка, и тут было невозможно не заметить снеговика с руками-ветками, которыми он как бы намеревался обнять всех проходящих рядом.

Недалеко от выхода из парка, папа сказал:

— Давайте и мы своего снеговика сваяем.

Вася папу поддержал, а мама слегка раздраженно напомнила о скором вечере, а они всё ещё гуляют.

— Ладно, вайте, только маленького и побыстрей, – сказала она.

Они скатали снежный ком и хотели к нему приладить голову, но Вася их остановил:

– Я сам.

Он этот ком определил как постамент, а из папиного и маминогo снега сделал небольшое туловище снеговичка с ручками, как полагается, приладил голову, определил, где глаза, где рот. Мама принесла небольшой пучок сосновых иголок:

– Вася, – сказала она, – сделай ему и причёску, чтобы он на человечка походил.

И всё вышло замечательно: на постаменте маленький снеговичок-лесовичок, такой весёлый и улыбчивый, всем он очень понравился. С ним тоже сделали несколько снимков.

Когда выходили из парка, Вася воскликнул:

– Сейчас, – и побежал к своему снеговичку.

Там он взял тоненький прутик и на постаменте снеговичка написал «Вася». И этим как бы запечатлел первый в своей жизни автограф, и, довольный, стал догонять папу и маму.

Хорошо!

Грунтовая дорога, слегка намеченная среди травы, идёт вдоль ручья.

Где-то почти у самого конца дороги, слева, есть дача — огород моей сестры. Она получила этот участок лет двадцать тому назад, когда в стране по всему Союзу от предприятия можно было получить шесть соток земли на обустройство дачи. Даже у почты, где она работала, была такая возможность.

Иду. Погода хорошая. Светит солнце. Смотрю на заросли кустарников. Иногда в них просматривается цветущая черёмуха. Поют птицы. Идётся легко.

Вдруг на проплешине дороги, свободной от травы, вижу рака, лежащего на спине и шевелящего своими рачьими руками. Он небольшой.

Невольно вспомнились выступления по телевизору артиста Романа Карцева, как он покупал раков.

— Сегодня раки по три рубля, ну очень маленькие, а вчера были большие по пять рублей, а сегодня по три рубля, ну

очень маленькие, а те по пять рублей были большие, но вчера...

Он как бы раздумывал, повторяя несколько раз о своей покупке, и аудитория смеялась от души.

Правда, смешно.

Как он, рак, сюда дополз и перевернулся на спину.

Можно предположить, что какая-то хищная птица его поймала и полетела-понесла к своему гнезду. Он же, не будь дурак, хватить её клешней за лапу, мол, чего привязалась. Она и отпустила его, только упал он неудачно, на спину, зато живой и целёхонький.

Поднимаю.

– Ничего, я тебя отпущу.

Дохожу до того места, свободного от кустарников, куда сестра ходит за водой для полива своих грядок, добираюсь до воды и отпускаю.

– Живи.

Ну, вот поутру одно неплохое дело уже совершил.

Хорошо!

Самое-самое начало 1990-х годов.

Работаю в Управлении буровых работ № 1 (УБР-1) объединения «Сургутнефтегаз» в бригаде освоения. Нефтяники знают, что это такое.

Для нефтяников скажу, что это заключительные работы по подготовке скважины в эксплуатацию, т.е. чтобы из неё получать нефть, газ, воду – на что пробурена.

Мачта для спуска и подъёма насосно-компрессорных труб (НКТ) смонтирована на базе автомашины КРАЗ.

Площадка возле устья скважины открыта для любой непогоды: дождь, снег, мороз, ветер. Помбурам ещё терпимо – они вынуждены двигаться и этим как бы согреваются в непогоду. Бурильщик же стоит у пульта и тут не походишь, не попрыгаешь.

Летом нормально, и весной, и осенью ещё ничего, но зимой, особенно в морозы и метели, когда тебя пробирает и продувает насквозь, подумаешь, что надо кожушок всё-таки приобрести, защитить спину и поясницу от простуды.

Однако, вахту отстоишь, приедешь домой и забываются все неудобства. И так который раз. И вот как-то вечером захожу в промтоварный магазин. Нахожу этот отдел, выбираю то один, то другой... что-нибудь да не подходит. Тут заведующая говорит довольно громко, чтобы покупатели поторапливались, потому что магазин закрывается. Ну, ладно, решаю завтра зайти.

Назавтра прихожу, а магазин пуст, пуст совершенно, ничего, голые стены.

Не удивляюсь – может, перестановка, может, переезжают, может, ещё что-то, кто их знает.

Мы закончили эту скважину, встали на новую на другом кусту. А там надо сначала воронку на НКТ допустить до забоя, забой промыть, прежде чем проводить какие-либо другие работы. А промывать надо через ёмкость, которой на кусту нет. Есть одна свободная 20 мЗ, но она забита шламом, и находится где-то у заброшенного песчаного карьера.

Мне диспетчер говорит: «Бери ППУ – это полевая паровая установка – и поезжай, машинист знает». Ну что ж, сажусь, едем. Едем-едем. Вот свороток как бы на просёлочную дорогу с едва заметной в снегу колеей.

Доехали. Машинист разогревает котёл, я разматываю шланг, втыкаю «пику», трубку метра полтора, в шлам.

Ёмкость полная, не успею к концу рабочего дня её отогреть и освободить. Надо разложить костры вокруг ёмкости, тогда более вероятно.

Осматриваюсь – где что-нибудь деревянное найти. Вижу: дощечки торчат из кучи снега. О, да это же ящички из-под апельсин, и сами апельсины, но уже основательно попорченные, и их достаточно много. Дощечки лёгкие, сухие, горят хорошо. Успею!

Решил немножко пройтись, посмотреть, что там дальше.

Господи!

Огромная куча колбасы, полукопчёной, уже покрытая плесенью какой-то бело-серо-зелёной.

Магазины пусты, а всё здесь, на заброшенном песчаном карьере, и он же, должно быть, не один вдоль дорог и трасс. Помните Егоро-Гайдаровское: надо отпустить цены, тогда всё появится. Значит, это всё где-то было припрятано. Или гнило вот на таких же заброшенных песчаных карьерах.

Весь карьер обходить не стал, большой, да и снег глубокий, и там подальше от глаз скорей всего навалено нуше этого.

Вот тебе и ах! – дорогой мой. Вернулся к ёмкости присматривать за кострами.

Зимой в Сибири темнеет быстро. Смотрю: шлам у бортов ёмкости оттаял. Надо попробовать ёмкость перевернуть и освободить её от всего, что в ней отпарилось.

Всё сделано как надо и успели на базу к пересменке.

PS.

Не буду судить ни о Москве, ни о Ленинграде (Санкт-Петербурге), ни о других больших городах по случаю пустых полок и прилавков, а здесь, у нас, в Сибири, всё это происходило вот так.

Виктор, мой двоюродный брат, одессит, крепыш и симпатяга, закончил мореходное училище и получил распределение на подлодку. После нескольких успешно выполненных плаваний им поручили задание во Вьетнам. Там они попали в некую переделку, и им пришлось лечь на грунт. И это было серьёзно. Сообщить своим о местоположении было опасно. Американцы непременно бы их засекли, т. е. запеленговали и забросали бы глубинными бомбами.

Тогда у них шла война между Севером, которому помогал СССР, и Югом, проамериканским.

Единственное, что было возможно в той ситуации – выйти через торпедный аппарат. И эту роль Виктор взял на себя.

Ну, а как же – молодой специалист, комсомолец. Кому ещё?

Не матросика же, салагу, посылать звать на помощь.

В Советской армии ещё действовал один из непреложных суворовских наставлений: сам погибай, а товарища выручай!

Спасли и подводную лодку и экипаж. А Виктор?..

А Виктору – досталась кессонка. Сопровождать его в Союз вызвался лучший друг. Не доезжая Одессы, почти на половине пути, он Виктора оставил, прихватив с собой всё, что Виктору подарил на память за спасение благодарный экипаж. И сказал напоследок, оставляя его:

– Зачем тебе это – всё равно ты не жилец.

Вот подонок.

И в Советской армии, и в Советском подводном флоте встречались и не так уж редко подобные типы.

Благодаря добрым людям Виктор всё-таки добрался до дома.

Конечно, военкомат не оставлял его без внимания, но... они не Боги. Теперь Украина независимое иностранное государство и ориентиры у них совсем другие.

Отец Виктора и моя мама – родные брат и сестра. Виктор коренной одессит, я коренной сибиряк.

И это было так давно.

PS.

18 марта 2018 года у нас в стране прошли выборы главы государства, и народ в большинстве своём, в который раз, выразил свою приверженность капитализму.

Жаль!

Думаю, он – народ – это сделал в тщетной надежде, что и ему – народу – что-нибудь перепадёт.

Первая страна социализма... была, не вполне совершенного, конечно, но всё-таки.

В те годы у нас было множество друзей и на Западе, и на Востоке, и во всём мире, даже из аристократических и

королевских семей, и ориентировались на нас, как на оплот социализма, то есть справедливого общества. Теперь друзей у нас поубавилось и основательно, а что в нас интересного – мы обыкновенная капиталистическая страна со всеми её атрибутами и пороками.

И вот очередной сюрприз капитализации – трагедия в Кемерове. Ищут причину, а причина проста – всё ради прибыли, и капиталист, нынче он и работодатель, и бизнесмен, и предприниматель, и т.д. и т.п., и ради этой самой прибыли он ничем не погнушается: из любого закутка хоть горсть пятаков – его девиз.

Когда мы вернёмся на свой путь, так бездарно оставленный нами впопыхах?

Не скоро. Ой, не скоро!

Стихи?! Проба статьи

Что такое стихи? Самое простое и лаконичное определение стихов – это ритмически организованная речь. Ритмичность достигается путём упорядоченного чередования ударных и безударных слогов в стихе. Стих – одна стихотворная строка.

Размеры стихов заимствованы из античной поэзии, их два: двусложники и трёхсложники. К первым относятся ямбы и хорей, ко вторым – дактили, амфибрахии и анапесты.

Через Францию и Германию они (размеры стихов) пришли в Россию. Первыми, кто применил эти размеры в русском стихосложении, были Тредиаковский Василий Кириллович и Ломоносов Михайло Васильевич.

Приведём примеры, сразу же расставляя ударение. Обозначим ударный слог (I), безударный(-).

Двусложники:

Навис покров угрюмой ночи

Пушкин А.С.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Лермонтов М.Ю.

Как видим из этих строк, в них четыре ударных слога и четыре безударных и по одному неполному слогу в конце. Конечный неполный слог называется клаузулой. Если такой слог встречается впереди строки – это анакруза, а если наблюдается метрическое пересечение внутри строки – цезура. Часто в размер стиха вставляется два рядом стоящих ударных или же два безударных слога. В первом случае – спондей (II), во втором – пиррихий(--).

Всё это даёт широкие, почти безграничные возможности автору для выражения его мыслей, чувств, переживаний и т.д.

В приведённом примере ударный слог стоит после безударного. Такой стих – ямб, а так как в каждой строке по четыре стопы (ударный слог + безударный), стихи – четырёхстопный ямб. Кроме четырёхстопного, ямб бывает и трёх-, и пяти-, и более стопным.

Немного от себя. Предчувствие.

Написание стихов, сложение их тем или иным размером (двусложниками или трёхсложниками) не в последнюю очередь зависит не только от характера поэта и им выбранной темы, но и от объёма его легких, т.е. глубины вдоха и выдоха, что сродни легкоатлетам. Чем объём лёгких больше, тем удачнее даются длинные дистанции и наоборот: чем объём легких меньше, легкоатлету предпочтительнее короткие дистанции.

Но вернёмся к нашим двусложникам...

Второй пример:

Буря мглою небо кроет

Пушкин А. С.

Выпал снег и всё забылось

Рубцов Н. М.

В обоих стихах ударный слог стоит впереди безударного – это хорей. Их по четыре в строке, значит, они представлены четырёхстопным хореем.

Теперь рассмотрим трёхсложники. Их три вида: дактиль, амфибрахий и анапест.

В трёхдольниках, само собой, три слога: один ударный и два безударных.

Если ударный слог впереди двух безударных – это дактиль.

Если в середине – амфибрахий.

Если ударный слог в конце – анапест.

ПРИМЕРЫ:

Дактиль:

Тучки небесные, вечные странники

Лермонтов М.Ю.

Вот оно, глупое счастье

Есенин С.А.

Дактиль Лермонтова – четырёхстопный, полный. Дактиль Есенина – двустопный, с одной неполной стопой в конце, но если слово «счастье» прочесть как «счастие», то дактиль Есенина будет трёхстопным полным.

Амфибрахий:

Сижу за решёткой в темнице сырой

Пушкин А.С.

Если в амфибрахий Пушкина в слове «сырой» «Й» произнести как «И», то получим четырёхстопный амфибрахий, полный. Амфибрахий Толстого трёхстопный, полный.

Анапест:

Знаменитый Смальгольмский барон

Жуковский В.А.

На заре ты её не буди

Фет А.А.

Анапесты Жуковского и Фета оба трёхстопные, полные.

Подведём итог:

Это упрощённое определение стихотворных размеров. Трудов по стихосложению множество и в них рассматривается более детально и научно этот предмет.

Примечание:

Чтобы легче определить размер стиха, предлагаю произносить, хотя бы мысленно:

Ямб, как «*иамб*» (всё-таки двусложник).

Хорей, как хорей (с ударением на первом слоге).

Дактиль, как Дактилий (трёхсложник ведь, ударение на первом слоге).

Амфибрахий, как Амфибрах (при чтении убрать «и» и «й», ударение на среднем слоге).

Анапест произносить с ударением на последнем слоге – «Анапéст».

И тогда в определении размера стихов затруднений у вас не станет возникать.

Деньги нашего детства

Сороковые и пятидесятые годы двадцатого столетия, мы, ребяташки соседних дворов, через улицу, кроме наших обычных мальчишеских игр: Чапаева, сыщиков-разбойников, футбол и т.д., играли ещё и в деньги, в такие, как пристенок, котёл, чику. Какие у нас тогдашних мальчишек могли быть деньги? Мы с моим товарищем собирали всё, что можно было сдать: железяки всякие разные, медную и алюминиевую проволоку, латунные, вышедшие из употребления, вентили, и т.д., но более всего ценились флакончики из-под одеколона и духов, и чем они были изящней, тем были дороже.

Всё это мы складывали в укромном местечке, а когда там что-то образовывалось, шли и сдавали. Недалеко от нас жил китаец Ходя, Коля, наверно, в небольшой деревянной избушке. Если у нас было негабаритное и совсем немного, мы стучали в его окошечко, он открывал и смотрел что у нас, говорил что сколько стоит и платил. А если мы приносили большой кусок ржавой трубы, он открывал ворота, мы заносили, он взвешивал на каких-то своеобразных весах.

У него был даже лист бумаги, на котором были написаны расценки. Так мы зарабатывали наши деньги, это была в основном мелочь: одна копейка, две, три, пятак, они были медными, ещё были десять копеек (десярик), пятнадцать (пятнашка) и двадцать (двадцарик), эти были белыми. На каждую из этих перечисленных денежек можно было хоть что-нибудь да купить. Даже на одну копейку, эту маленькую капельку, давали целый коробок спичек в пятьдесят головок.

О спичках.

Сначала наша Томская спичечная фабрика выпускала их с синими головками и мы называли их «синками». С «синками» была проблема с высеканием огня. Даже о них была поговорка не очень весёлая. Некоторые из наших ребят собирали этикетки с этих коробков, а кто-то и сами коробки. На одних коробках был изображён аэроплан похожий на самолёт «Илья Муромец». На других изображалась половинка заходящего солнца с большими розовыми лучами, а под солнцем было слово СИБИРЬ.

Когда мы ходили на рыбалку, особенно с ночевой, разжигать костёр ребята доверяли мне, у меня это получалось лучше и экономнее. Я, перед тем как чиркнуть, тёр спичку о голову, и случалось, на вид совсем безнадёжная спичинка, вдруг загоралась.

Потом их стали выпускать с головками, такими как сейчас, и с ними стало повеселее.

Были у нас и царские: полтинники и рубли с профилем Николая II. Были и советские полтинники: с рабочим, разбивающим молотом, кажется, цепи рабства, были и с крестьянином-сеятелем, он из лукошка разбрасывал семена, вероятно, пшеницы. Были и со звездой, и вроде бы с

вооружённым красноармейцем, перешедшим потом на орден Красной Звезды.

Эти полтинники и рубли были хороши при игре в пристенок, они отскакивали от стены с каким-то лёгким серебряным, что ли, звоном. Были и екатерининские медные деньги, в которые мы не играли, но их можно было обменять на несколько наших копеек.

Все имеющиеся у нас деньги мы не ценили: выиграли – выиграли, проиграли – проиграли, ну и ладно. Никто из нас тогда не представлял, что придёт время – и они будут иметь какую-то ценность.

У меня, то есть в нашей семье, была одна бумажная купюра в сто рублей – екатерининская с её портретом, очень красивая, хоть в рамку, да на стенку вместо картины. По сравнению с ней нынешние наши бумажные – фантики какие-то невзрачные.

У одного из мальчиков соседнего двора была огромная в форме двояковыпуклой линзы с ушком из чистой меди – сибирская ганьга, всё-таки танга, красная-красная, без единого пятнышка окисления, десять копеек, что ли. На обратной стороне танги была решётка или что-то в этом роде, возрастом она была то ли тысяча пятьсот, то ли тысяча шестьсот каких-то годов, точно сказать не могу.

А запомнилась она мне ещё и тем, что я стал виновником её потери. В тот день мы пошли за город, за речку Томь по понтонному мосту на озеро Боярское – большое, глубокое и чистое. К вечеру до упора накупавшись и назагоравшись, пошли домой. Перешли лужок и вдоль реки по пыльной песчаной дороге возвращаемся, болтая бог весть о чём.

Один мальчик достал эту самую сибирскую тангу, и мы стали её бросать, как бросают биты при игре в чикку – кто дальше. Последним был я. Мы подошли к тому месту, где

упала танга, её не было видно. Мы немного поворошили пыльный песок, но её не обнаружили и пошли, потому что дело было к вечеру, все были уставшие и всем хотелось есть.

Я намеревался утром пойти и поискать её, но не пошёл. И о танге забыли. Я всегда о ней сожалел, надо было всё-таки пойти и поискать, и вернуть хозяину.

Потом эту дорогу закатали в бетон, и стала она настоящей современной дорогой.

Больше нигде и никогда такой сибирской танги я не встречал.

Пудик

Замечательным пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким написаны не только вещи высокой темы, как «Песня о Соколе», «Данко», «Старуха Изергиль», но повести и романы: «Мать», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина» – объёмный и достаточно утомительный, пьесы, особенно «На дне», которую мы проходили в школе и разучивали по ролям.

Ко всему этому он писал и для детей, равняясь на Льва Николаевича Толстого с его всемирно известными романами: «Война и мир», «Анна Каренина», повести и рассказы как «Малышок».

Алексеем Максимовичем Горьким написан чудесный рассказ «Воробьишко».

Уютный дворик старой Москвы, ещё дореволюционного времени, на его задах была баня.

Над окном бани поселилась семья воробьёв: папа воробей, мама воробиха и их сынишка воробьёнок Пудик, так они его называли.

Этот Пудик был неугомонный непоседа и к тому же поэт, что увидит, тут же сочинит стихи и начнёт их напевать, прыгая от радости.

Сколько раз мама говорила ему:

— Смотри, допрыгаешь, чебурахнешься. А кошке, хозяйке всего двора, только того и надо, знаешь, какая она злая-презлая, глаза, как угли горящие, ух!

Папа воробей домашними делами мало занимался, ему некогда было, он летал на работу, и приносил Пудикку то червячка, то жучка, то ещё что-нибудь поесть.

Сядет на край гнезда и говорит: — Чив! Вот я каков!

Мама воробиха отвечает ему: — Чив! Молодец, хороший! И папа снова улетает на работу.

Пудик же думает при этом: — Чив! Червячка принесли, чем хвалятся...

В воскресенье пошёл в баню мужик. Пудик увидел и вмиг сложил о нём стихи:

*Человек, человек
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам я мошек ем.*

Он так обрадовался этим стихам, что стал их распевать во всё горло, хвалясь и прыгая от удовольствия, и не заметил, как вывалился из гнезда, а кошка тут как тут и уже примеряется, как бы не промахнуться.

— Чив-чив! Чив-чив! Честь имею! Честь имею! — говорит ей Пудик, ведь он знает, что к незнакомым и взрослым надо обращаться на Вы, — как Вас зовут? А я Пудик, очень рад!

Мама воробьяха села между ними, взъерошилась, распушилась, чтобы выглядеть большой, и подталкивает Пудика:

– Лети, Пудик, лети!

Пудик подумал, что мама говорит это не просто так, он подпрыгнул раз-другой, замахал крылышками и оказался на окне. Тут и мама прилетела, правда, без хвоста. Она легонько шлепнула его по затылку, успокаивая:

– Испугался? Говорила «чебурахнешься».

Прилетел папа, принёс Пудику поесть.

Снова все вместе.

Так. Если слово «чебурахнешься» прочитать слева направо, или справа налево, сверху вниз или снизу вверх, то его можно прочитывать и как Чебурашка.

И Алексея Максимовича Горького на всём основании можно с уверенностью назвать прародителем Чебурашки, такого же неугомонного весельчака, как наш Пудик.

Был 1969 год

Снег выпал рано, сразу и уже не таял. Следом пришли морозы, да такие, что по утрам весь Сургут погружался в густой, плотный и белый, как молоко, туман. Стоило выйти на улицу, как на глаза наплывали слёзы и замерзали на ресницах, приходилось их периодически руками оттаивать или отщипывать.

В эти годы в Сургуте насчитывалось чуть более пятнадцати тысяч жителей. На его улицах не было ещё ни кусочка бетона, не говоря об асфальте или декоративной плитке. Весь Сургут был деревянным, только в районе НПУ (нефтепромысловое управление), нынешнее НГДУ (нефтегазодобывающее управление) стояло несколько «хрущёвок», собранных из бетонных плит, привезённых по Оби из Тюмени.

Мост через речку Сайму, разделяющий город на Старый Сургут и Чёрный Мыс, был тоже деревянный, построенный, быть может, ещё при участии сосланных декабристов. По нему автобусы ПАЗ переезжали без людей. Летом вообще этот мост был только пешеходным, и автобусы, дойдя до

Саймы, разворачивались. Пассажиры, перейдя мост, садились на другой стороне в другой автобус, тоже ПАЗ, и ехали дальше по песчаным улицам или в сторону НПУ, или в сторону рыбоконсервного комбината и речного порта.

Остановки были открытыми, никаких торговых пристроек на них не было.

Мне нужно было в сторону рыбокомбината, посмотреть, что там у них в клубе, или просто так, чтобы только не сидеть в общежитии.

Когда я пробирался сквозь туман к остановке, то на середине улицы, она называлась Центральной, теперь Мелик-Карамова, прямо передо мной, чуть не ударившись в меня, вылетели из тумана и тут же скрылись две белые птицы, похожие на голубей. Я даже вздрогнул от неожиданности. «Откуда они здесь могли взяться, – подумал я, – и в такие морозы?». Потом понял, это же куропатки.

В ту пору на улицах Сургута можно было встретить не только куропаток, но и тетеревов, и даже глухарей.

А голуби (в основном сизари) появились в Сургуте вместе с приходом железной дороги.

Остановка называлась «Геолог», так как это был микрорайон геологов Сургутской нефтеразведочной экспедиции (СНРЭ). Там находилось несколько женщин, да вот пришел я.

Через несколько лет рядом с этой остановкой соорудили памятник первым комсомольцам Сургута, погибшим в 20-х годах во время так называемого кулацко-эсеровского мятежа. На памятнике запечатлены слова сургутянина Николая Ездакова:

*Они свершили прометеев подвиг,
Нас вырвав из невежества и тьмы...*

Тогда автобусов в Сургуте было мало, наверное, не более десятка, и ходили они редко. Каждый автобус брался штурмом. Потерянные пуговицы и порванные рукава были обычным явлением.

Но никто особо не возмущался, а наоборот, все это воспринималось даже с долей иронии; как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Такси вообще были – две-три «Волги». И это на весь Сургут.

Каждый раз в начале лета, после первого проливного дождя, в Сургуте объявлялись несметные полчища комаров. Для борьбы с ними по улицам ходила специальная машина и распыляла антикомариный аэрозоль, но все равно, когда долгими и красивыми незакатными вечерами люди выходили погулять, они не могли обойтись без берёзовых веточек, которыми отмахивались от наседающих комаров. Ближе к осени на смену комарам налетала мошка, и от неё не было никакого спасу.

Теперь, если в городе где и встретится комар, то смотришь на него как на давнишнего, почти забытого друга юности. И всё-таки... что было замечательного в том старом, еще донефтяном Сургуте, так это то, что он каждую весну утопал в белом кипении черёмухи. Её аромат проникал всюду. И когда мне приходилось ехать в тесном переполненном до предела автобусе, я не замечал, чтобы в это время люди были злы и раздражительны.

Вот мы стоим...

Среди всех ожидающих была одна женщина, по всей видимости – ханты, в своей национальной одежде, в платке, повязанном так, что лица её почти не было видно. За спиной у неё была большая берестяная торба.

Из этой торбы слышалось какое-то шевеление и писк.

Одна из женщин подошла к ней и спросила:

– Что это там у тебя?

Приподняла крышку и посмотрела. Посмотрела. Посмотрела и... толкнула ту в плечо:

– У тебя ребёнок голый! Ты слышишь? Какая же ты мать! – почти закричала она.

Хантыйка ничего не ответила и осталась стоять, как стояла.

Другие женщины тоже стали подходить и приподнимать крышку. И я не удержался, чтобы не заглянуть через плечо очередной смотревшей.

В торбе, на дне, были насыпаны мох и мелкие гнилушки, на них на спинке, совсем голый, лежал ребёнок, мальчик. Ручки и ножки его были согнуты и прижаты к телу, но что он мёрзнет, признаков вроде не было.

Конечно, малыш «ходил» под себя, гнилушки поглощали влагу и выделяли тепло. А будь он одет, он бы наверняка замерз.

Потом более скромная и догадливая женщина сказала:

– Что вы все смотрите? Застудите ребёнка. Она сама знает.

И этим как бы устыдила остальных.

Ещё какое-то время женщины осуждали хантыйку за такое обращение с ребёнком.

А как бы они обращались со своими детьми, окажись на её месте?

И всё-таки это было удивительно и необычно.

Говорили, что местных аборигенов – ханты – гнус не берет.

Берёт, да еще как.

В начале 70-х годов 20-го столетия, летом, в самый разгар, жара стояла невероятная. К нам на разведочную буровую Лянторского месторождения, смонтированную недалеко от устья небольшой речушки, впадающей в Тром-Аган, пришли отец и сын – ханты.

Оба невысокого роста. В простой одежде, на ногах резиновые сапоги. Вахта уже пообедала, только я, как бурильщик, задержался, пришел в столовую последним.

Они были настолько покусаны гнусом, что на их лицах просто не было живого места.

Нам только что вертолетом завезли продукты, в том числе и помидоры. Повариха решила их угостить. Она дала им по помидорке: и отцу и сыну. Они им очень удивились, а отец-ханты сказал, покачив головой: «О-о-о, такой брусника у нас не растёт!».

Дети природы. Мы потом часто их вспоминали.

Повариха выделила им продуктов, а мы налили банку «Репудина» – средства от комаров.

У нас редко кто им пользовался, потому что это было равносильно, если мазаться огнём.

«Дэты» тогда ещё не было.

После затяжных, наводящих уныние, осенних дождей, установилась хорошая погода.

Небо чистое. Воздух свеж и прозрачен. Работается легко. Комары отошли. Правда, мошка ещё донимает, и то после

обеда, когда пригревает солнце.

Мы стоим на скважине между Сургутом и посёлком Русскинские.

Мы – это бригада по испытанию скважин Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Наша задача: определить интервалы залегания продуктивных пластов, их нефтегазо- и водонасыщенность, дебет, отобрать пробы. Случалось, что на одной скважине нам надо было испытать и опробовать до 22 объектов. А это почти каждую вахту или «вира» или «майна» полную подвеску НКТ (насосно-компрессорных труб).

Хорошо, когда у вахты есть возможность «постоять на притоке», то есть никаких «вира-майна» не производить, а только следить за показаниями приборов, спущенных в скважину и фиксирующих состояние продуктивного пласта, давление в нём, температуру и т.д., а также замерять приток пластового флюида – жидкости (нефти, воды или того и другого вместе). Тогда можно не всем, конечно, а кому-то одному на часок-другой сходить на охоту, рыбалку или за клюквой.

Вот такая скважина выдалась нам и здесь. Мы стараемся, быстрее-быстрее, надо хоть какое-то ускорение заработать. Без него получать совсем нечего. Дадут 90 рублей аванса. Повариха наставит крестиков за завтраки, обеды и ужины тоже рублей на 90. Придешь в контору за получкой, отстоишь очередь, и окажется, что сам ещё должен своей конторе 3-5, а то и 10 рублей. Это нас огорчало, но не очень. Ведь мы были молоды, дружны и почти все «болели» романтикой, а романтики этой самой нам тогда хватало на каждого с лихвой. И что хорошего, так это то, что когда отпускники давали в отдел кадров экспедиции телеграмму: «Вышлите на дорогу сто рублей», им всегда высылали.

Но... надо шустрить.

Солнце садится далеко-далеко за озерами. Этих озёр такое множество, что они представляются одним бескрайним озером, беспорядочно испещрённым мелким кустарником и болотным чапыжником. Кажется, если куда пойдешь, то ни за что из этого лабиринта не выйдешь. И мы благоразумно предупреждаем друг друга, прежде чем идти за клюквой или на охоту, чтобы, в случае чего, посильней постучали по «ноге» подъемника, для ориентира.

Смеркается.

Последние минуты перед сменой вахты.

Помбур мне говорит, показывая рукой за мою спину:

– Смотри, кто-то идет.

Я оглядываюсь, кто бы это мог быть? Вроде и вертолет не пролетал, ни проверяющего, ни из начальников кого не ожидается. И один!

Подходит. Ещё совсем молодой парнишка.

– Здравствуйте!

– Здравствуй! Здравствуй! Здорово, коли так!

У нас пересменка.

Мы сдаём вахту и идём переодеваться. Умываемся – и в столовую.

– А ты что? Пошли.

– Не, не хочу, однако.

– Пойдём, пойдём. Найдётся что-нибудь.

Повариха говорит, что на лишнего не готовила, и, вообще, надо предупреждать заранее.

Мы говорим, чтобы поделила на одного-то. Она ворчит, но делит.

После столовой я иду в культбудку на связь, ребята в балок – отдыхать.

Когда я прихожу, они уже легли, но свет горит, ждут

меня. Я гашу свет и занимаю своё место.

Вот сейчас минут десять-пятнадцать поговорим и незаметно один за другим уснём.

Сегодня поработали как надо, обсуждать вроде нечего, но с нами незнакомый человек и ребята спрашивают:

– Ты куда идёшь?

– В Сургут.

– А откуда?

– Из Русскинских.

– Не ближний путь. Порядком.

– Тебя как зовут, если не секрет?

– Петя.

– Петя?

– Ага.

– А что тебе, Петя, в Сургуте? Родные кто?

– Не, повестка пришла.

– Повестка! Куда?

– Да в военкомат пришла.

– И это ты идёшь из Русскинских в Сургут в военкомат?

– Иду вот.

Мы удивляемся.

– А что, они не могли за тобой вертолёт прислать или как-то ещё?

– Не знаю пока.

– Ну, Петя, ты даёшь. Они там с ума посходили, а ты один по болоту.

Тут на вертолете летишь, летишь, все озёра да озёра, одно на одном. Пешком и заблудиться недолго.

– Не страшно, если заблудишься?

– Не, не страшно. Я не в городе.

– !!!!!

– А ты сам в городе, в Сургуте был?

- Был как-то.
- И что, не понравилось?
- Не, не понравилось.
- Что так?
- Так. Людей много. Никто ничего не знает.

Мы какое-то время молчим.

- Скажи, а как, по-вашему, будет, ну, например, здравствуйте?
- Питя-питя!
- А медведь?
- Би-би.
- Не боишься медведя, если встретишь? У тебя и ружья нет.
- Не, сегодня не боюсь. Он сам боится. Прячется. Спать готовиться надо.

Ребята спрашивают его ещё и ещё, но я еле-еле слышу и вопросы, и ответы. Засыпаю.

Утром меня разбудил будильник. Я встаю пораньше, чтобы заполнить журнал, принять вахту, проверить исправность оборудования.

Пети уже нет. Ну, думаю, в столовой. Нет его и там.

Спрашиваю у ребят ночной вахты:

- Где Петя, парнишка, что вчера вечером приходил?
- Да он ушёл ещё затемно.
- Попоили его хоть чайком на дорожку?
- Какой чай! Он не попросил, а нам некогда было. Ещё и вам осталось несколько рядов (это об НКТ).
- Ну, давайте.
- Добро.

Сегодня это происходило бы совсем иначе.

И жаль немножко. Ушло что-то от нас. И от геологов-первопроходцев, и от тех, по чьей земле эти современные

первопроходцы идут.

– Всего тебе доброго, Петя.

Все ли сложилось у тебя по-человечески?

Все ли ладно?

Или как?

**Стихи - не хобби, не забава,
В них пот земли и свет небес...**

Дети войны

Дети войны. Дети войны.

Много на вас накопилось вины.

И первая страшная ваша вина
В том, что на вас накатилась война.

А вторая вина, она первой страшной –
Ваших отцов поубило на ней.

А потом как из прорвы вина за виной,
Словно в море кипящем волна за волной.

Дом малюток, приёмник, детдом и РэУ*.
Как тропинки, что вас выводили к добру.

Пусть надежда на счастье была далека,
Всё же есть койко-место и флажок у станка.

И скажу, не впадая ни сколь в похвальбу,
Что страна поднималась на вашем горбу.

И, казалось, что скоро, лишь чуть подождать
И сойдёт на родную страну благодать.

Да пришли демократы из чуждых земель
И давай поучать: как вы жили досель?

Ведь заводы не ваши. Не ваши поля.
И не ваша исконная ваша земля.

Даже этот, на случай печальный, припас,
Будто вору украдкой украли у вас.

И что все ещё живы – вам ставят виной...

Неужели исход невозможен иной?

Дети войны. Дети войны.
Боже! На ком еще столько вины?

**РэУ – ремесленное училище*

Возможно, могу я писать про любовь
К Родине. К матери. К другу.
Я сердце набил в синяки и кровь,
А мне говорят: руку.

Я в годы суровые не воевал,
Я ползал через порог.
Но вместе с Родиной я голодал
И, может быть, этим помог.

О, как нелегко поднимать семью
На ставку технички простой.
И тётю Соню – маму мою –
Уважал коллектив заводской.

Когда меня жизнь берёт на испуг
И сердцу не жаль ни черта,
Ко мне приходит единственный друг,
Который дороже ста.

За что это мне на Россию пенять?
Я всё здесь имею сполна.
А если кому не дано понять,
В том - не моя вина.

Время СССР

В те баснословные года
Я пел романтиков труда.

Геологов, нефтяников
В труде неуставайников.

И сам я был из тех полков,
Пусть даже не всегда толков.

И, может, кто-нибудь из них
И слышал мой правдивый стих.

Иль было им не до того
Что, впрочем, тоже ничего.

Страны советской трудники,
– Саднит в груди печаль –

Где вы, мои спутники,
Ушли в какую даль?

Родина вас не забыла
И помнит горячо.

Сколько романтиков было,
Сколько будет ещё!

Таких как Мы!

Эх! Эх, хорошо
Увлекательно
Жить сегодня, дружок,
Замечательно.

Каждый день, каждый час
Нам ли тешиться,
На работу у нас
Руки чешутся.

Открываем пути
Мы без боли.
Сто дорог обойти,
Или более.

Тыщи дел совершить,
Каждый подвиг чтоб,
А иначе и жить- то ведь
Не за что.

Здесь тайга поёт,
Там шумят поля –
Впереди идёт
Комсомолия.

То ли с севера,
То ли с юга мы,
Жизнь меряя,
Стали друзьями.
Нам ли тесно

От обоюдности,
Побеждаем совместно
Все трудности.

Ставим цель мы во всём
Незабвенную.
Удивляем трудом
Всю вселенную.

Всё что в планах сейчас –
Будет пройдено.
Цель одна у нас.
Одна Родина.

Нам советским
Великая миссия –
Строчки светлые
В летопись вписывать.

Площадь Ленина

Стоит Ильич на площади
Имени своего,
Где мы идём, как лошади,
Косяся на него.

Он – сам с царём расправился,
С царевнами к тому ж,
И тем уже прославился,
Как досточтимый муж.

И мы его на пьедестал –
Монументальней чтоб –
Чтоб сразу всем он виден стал,
И слышен сразу чтоб.

Он кепку сжал в одной руке,
Другой нам кажет путь,
Что наша цель невядалеке,
Не сбиться б, не свернуть.

И вот по той же площади
Смирено, как-нибудь
Идём-бредём, как лошади,
Теперь в обратный путь.

И всё ничего бы, да вот беда,
Свернули где-то не туда.

Нас к светлым свершениям тянет
Товарищи, поступь чекань!
Пусть даже в пути нашем встанет
Неодолимая грань.

Уйдёте вы грань ту осия,
Растают вдали голоса,
И светлая Матерь-Россия
Закроет мои очеса.

И стану лежать я спокойно
Под пологом отчей земли,
Как всякий, кем прожит достойно
Тот путь, что ему отвели.

Россия с 17-го по 40-е и далее

В тысяча девятьсот семнадцатом годе
При буйстве народа в мечте о свободе

Мы своих буржуев раз и к ногтю
Утю-тю-тю!

И вот сегодня, сто лет спустя,
Задумались об этом совсем не шутя.

Мы целый век,
Как один человек,
Жили – выживали.
Социализм создавали.

А тут – война,
Вот тебе и на!

Почти на пределе
Войну одолели.

И вновь приняли рабочую стойку
И всю страну превратили в новостройку.

Нефть Самотлора и Братская ГЭС
Пробуждали в народе живой интерес.

БАМ и КАТЭК, космос и целина
Поднимала, как знамя, родная страна.

И наш заморский дядюшка Сэм

И как видно,
Стало ему обидно,
Что какие-то там Советы
Знают тому секреты.

Думал он, думал. Гадал он, гадал,
И, казалось, уж было, совсем совладал,
Так что в башку нам запала идея –
Как это мы без буржуа-злодея?

Весь мир же у них в руках,
А мы?

Ax!

Ax!

И давай всё родное крушить,
Чтобы тоже по-ихнему жить.
И новых буржуев-олигархов-рабов обладателей
Назвали умильно «работодатели».

И повсеместно и тама и сяма
Внедрили законы дядюшки Сяма,
то бишь Сэма.

Ну и так далее...

То, что впоследствии сделалось с нами,
Вы знаете сами.

Прощание со старым Сургутом

Прощай, городок деревянный,
Прощай, дорогой, и прости.
Ты станешь бетонным, стеклянным,
Просторным, красивым и славным,
Так людям на радость расти.

И я не питаю надежды
Остаться таким как вчера.
Давно износились одежды,
В которых когда-то я прежде
Ходил на свои вечера.

По струганным тем тротуарам
Средь милых приятственных лиц.
И с крыш улыбались недаром,
Печным отливая загаром,
Железные профили птиц.

И было чему удивляться,
Все как на подбор - крепыши.
По нефти сестрёнки и братцы
И каждому в среднем по двадцать,
Ну, если кому - с небольшим.

Я был и остался рабочим,
Но я не обижен судьбой.
И нынче печалюсь не очень,
Что, может, последнюю осень
Мы празднуем вместе с тобой.

Я вижу: работают краны.
Я слышу: гудят провода...
Прощай, городок деревянный,
С любовью, пусть несколько странной,
Ты в сердце моём навсегда.

Весенний сессии аврал
Пришёл – ушёл, и слава Богу,
И прежде чем начать дорогу
Пойдём, поддержимся за интеграл.*

Там у окна поближе к свету
Викторию отметим эту.

Наш ректорат.
Наш деканат.
Виват, виват!
Виват, виват!

**Интеграл (\int) – это один из инструментов вычислений. Имеется в виду ручка такой формы на входной двери любимого студентами кафе.*

Друзьям – геологам

Все ждут весну с надеждой радужной,
Крестьянин ждёт, и президент,
И всё ж никто ей так не радуется,
Как радуется ей студент.

И недаром небо чуть рассвежится,
И пригреет солнышко слегка,
Никакой студеус не удержится,
Чтоб не примерить лямки рюкзака.

Пусть не сразу к нам придут открытия,
В мире тайн – неведомый запас.
Приумолкнут стены общежития,
Из маршрутов ожидая нас.

Мы пойдём по северным дорогам,
Нам никак нельзя их обойти,
Там сейчас работы очень много,
Значит, там без нас не обойтись.

И продымаясь уже навек кострами,
И укрепив к познанию любовь,
Промытые дождём, продутые ветрами,
Как дружная семья, мы соберёмся вновь.

Снова будет встречать рассвет,
Круг друзей моих шумен и весел.
И пройдут пять студенческих лет,
Словно пять замечательных песен.

Летят года, меняя нашу внешность,
Но душой не поддадимся им,
И весны тревожную мятежность
Мы ещё надолго сохраним.

И порой, лишь небо чуть рассвежится,
И пригреет солнышко слегка,
Осточертеет нам в квартирах нежиться,
И старый свой рюкзак начнём искать.

Отстоял я вахту,
Взял я туесок,
И пошёл не прямо,
А наискосок.

Там недавно топики
С теодолитом топали,
Ниточку-визирку
Продев через лесок.

Сосенки болотные
Пуускают неохотно,
Многие здесь ходят,
Всех не отгадать.

Вчера прошли любители –
Даров заготовители,
Словно проскакала
Вражеская рать.

Только я-то чувствую,
Только я-то знаю...
И ягодку по ягодке
В туес собираю.

Что ещё увидится,
Что ещё найдётся.
И от той находки
Сердце враз зайдётся.

И уже под вечер,
И почти отчаясь,
Вдруг у кромки озера
Кочку я встречаю,

Что на волнах покачивается,
О берег по-ко-лачивается,
Вся в бусинках-горошинах,
До чего хорошая!

Ах, была та кочка
С кучерявым ворсом...
Буду я всю зиму
С ягодой и морсом!

Избушка-насыпушка
Под берегом стоит.
В избушке-насыпушке
Живёт один пиит.

Он ходит на работу,
И пьёт не только чай,
А что стихи слагает,
То как-то невзначай.

Поздравляю с днём рождения.
И моё вам пожелание,
Чтоб здоровье на удивление,
А улыбка на очарование.

Никто нам не скажет, как надо писать, Сами
не знают, по правде сказать.
Как тебе пишется, так и пиши,
Только от сердца и от души.
И слушать советов не очень спеши.

Что на душу ляжет,
Что к сердцу прильнёт,
То слово расскажет,
То нота споёт.

Иду по проспекту по Ленина,
Прогибаясь на оба колена я.
Вот сейчас, вот сейчас растянусь на
асфальте. Тут подойдут и мне скажут:
Вставайте,
Не очень красиво лежать на асфальте,
И пример горожанам не подавайте.

Зимний этюд

Наша зима – чаровница.
Наша зима – баловница.
Щёки подкрасит, за нос ущипнёт –
Будьте здоровы! Такая я, вот.

А вышел из дома, сделал шажок,
Под ногами снежок –
Хрум-хрум, хрум-хрум,
И светлые рифмы приходят на ум.

Ямб и хорей, дактиль и анапест,
Жаль, что в строке недостаточно мест.
Рад я зиме нашей Оду сложить,
Чтобы возвышенно ей услужить.

О войне пишут внуки и правнуки.
И в этом, скорей всего, правы они.

Потому что их дедушки и прадедушки
С фронта вернулись. И где уж им

Тратить время. И самая малость
На подобное не оставалась.

Надо жизнь помаленьку налаживать
За землёй, за скотинкой ухаживать.

Города поднимать и отстраивать,
И за мир во всём мире настаивать.

И не каждый из них был горазд
Ту войну пережить ещё раз.

Соколы

Белые соколы
В белом саду.
Красные соколы
В красном саду.

Время придёт,
За собой позовёт,
Господи правый,
Куда попаду?

«Им»

Мы всё для вас. Мы всё для вас.

А вы на нас. А вы на нас.

Господа вы наши дорогие,

Мы такие же как вы, но чуть-чуть другие.

Вы скажите нам, чем мы вам не нравимся,

Мы услышим.

Мы поймём.

Мы исправимся.

Мы к доллару,
Как к божьему дару,
Готовы на всё,
На то и на сё.

Бедный рубль
Идёт на убыль
Из тощих карманов,
Трясаясь от обмана.

Наша страна богата,
Наших богатств не счесть,
С этим у нас слабовато,
Верю – надежда есть.

Цветок

Цветок пробился сквозь траву
В восторге радостном: Живу!

Какое небо голубое!
Какое солнце золотое!

И наяву!

Полночный дождик за окном
Неотвратим как метроном,
Казалось, это сердце
Куда не знает деться
В заточении грудном.

Тучки

Прилетели тучки,
Каждая по штучке.
Встали в хоровод,
Песенку запели,
Или позабыли,
Или, в самом деле,
Не в ударе были.
Тут пришёл народ
Зонтики раскрыли.

Нынче случилось и книги
Стали тяжелы, как вериги.

Они на полке,
Как серые волки.

А мы их любили,
Читали, хранили

Каждую страницу,
Как ока зеницу,
Или волшебную птицу.

Да вот...

И книгам пришёл оборот.
Их без стенаний и муки
Отдаём в хорошие руки.

Даже хранимый всю жизнь фолиант
И тот меломану вручили, как приз...
Теперь там стоит сервант,
А в серванте — сервиз.

Чтобы в жизни ни случилось,
Только б солнышко лучилось
Над головами нашими
Твоею и моей.

А что зовётся словом
Воскреснет в свете новом,
И ты такое счастье
Всем сердцем разумей.

Городские ласточки

Городские ласточки! Вот и улетели
Может быть, они о том не очень и хотели.

За окном моим с утра стайками летали
И мошке мучителям спуску не давали.

Да пригнали ветры изморозь и тучи
И вопрос об осени вырос неминуемый.

И теперь я ласточек больше не встречаю.
Летуны, улетайте, пусть и заскучаю.

Там густые ночи. Всё жарой одето.
Будем ожидать вас. Подождём до лета.

Нашего. Сибирского.

Воробей

Воробьишко – воробей,
Будь смелее, не робей.
Пусть от нас уходит лето,
А приходит снеговой.

Для меня и твой чирик
Был всегда весьма велик.
Всё с тобой мы одолеем,
И весны увидим лик.

Оляпка

Маленькая птичка оляпка
Нырять в студёную воду и ей не зябко.

Вот сидит она на валуне
И смотрит, что там на дне.

Травинки, песчинки, камушки –
Всё занимает «кумушку».

Вот рыбки стайкой плывут,
Она – вся во внимании тут.

Какая рыбка от стайки отстанет –
Что с этой рыбкой станет?

Годы пришли и разом
На меня навалился маразм.

Я в смятенье: О, господи Боже!
На кого это стало похоже?

Взор ослаб, что не близь, что не даль,
И в груди то ли боль, то ли жаль.

И в причёске прошёл листопад.
Как это всё невпопад!

Позабыть бы, отправить на слом.
Да душа вот грустит о былом.

Я в зеркала не смотрюсь,
Потому что боюсь,
Боюсь, что увижу там
Нечто из бугров и ям.

Лучше у печки,
Подбросив дровец,
Смотреть, как за дверцей,
Играет огонь.

Тут я совсем молодец.

Петушок

Я дарю вам петушка,
Как надёжного друга.

Он в ненастье вас не бросит,
В счастье лишнего не спросит.

Ваш покой и сладкий сон
Охранять заступит он.

Утром петя-петушок
Свой расправит гребешок,

Крыльями захлопает,
Ножками затопает,

Запоёт: ку-ка-ре-ку!..
Гутен так, Мерси. Боку.

Не пойму я от чего-то —
Встать с кровати неохота.

То ли солнышко печёт,
То ли дождичек сечёт.

То ли Вася котик
Лёг мне на животик.

То ли песенка его —
Верх хотенья моего.

То ли что другое?..
Это что такое!

Думалось, старость она за горами,
За самой высокой горой.
Оказалось, она рядом с нами,
Особенно рядом со мной.

Ой! Ой! Ой!

Из армянской поэзии

Виктор Овсисян

Незабвенное

Я забыл все слова о любви,
Что когда-то произносил,
И теперь, зови не зови,
Их вернуть не хватает сил.

Жизнь померкла, как в небе звезда,
Как её запоздалый луч,
И уже навсегда-навсегда
Надо мной будет занавес туч.

Но сегодня я встретил Вас
И весь день как влюбленный хожу.
Ваше имя я вспомнил сейчас
И его как молитву твержу.

Бостанджян Анаит

Говорят

Говорят, что слёзы облегчают душу.
Не знаю-не знаю: у кого как.
Я ж эту правду собой не нарушу.
И её подтверждаю: да, это так!

Памяти Вовы

Если бы эта звезда не сияла так ярко,
Если бы к ней не тянулся мой взгляд,
Я бы могла подумать, что ты где-то рядом.

Насущный вопрос

О, богиня правосудия – Фемида,
Ты судишь по совести, или для вида,
Когда обе чаши весов
Не одинаково полны,
А стрелка упрямо говорит, что равны.

Справедливо ли это?

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ	5
Лечебная книга	7
Мама и Медведь.....	15
Лягушка-Квакушка и Комар-Комарович	18
Тысяча девятьсот семидесятые	21
Надя	23
Бурундучок	25
Ворона	27
Плоды просвещения.....	30
Дом ребёнка	32
Лагерный сад	34
Лариска.....	36
Когда по нашим улицам бегали трамваи	40
Поэт и муза	43
Несколько возражений по поводу	51
Спасибо романсам.....	56
Надо подумать... ..	59
Золотой ключик.....	62
Берег озера	65
Сан Саныч	70
Вася.....	74
Хорошо!	77
Стихи?! Проба статьи	84

Деньги нашего детства	88
Пудик.....	92
Был 1969 год	95
Стихи – не хобби, не забава, в них пот земли и свет небес	105
Дети войны.....	107
«Возможно, могу я писать про любовь...»	109
Время СССР.....	110
«Эх! Эх, хорошо...»	111
Площадь Ленина.....	113
«Нас к светлым свершениям тянет...»	114
Россия с 17-го по 40-е и далее.....	115
Прощание со старым Сургутом	117
«Весенний сессии аврал...»	119
Друзьям – геологам.....	120
«Отстоял я вахту...».....	122
«Избушка-насыпушка...»	124
«Поздравляю с днём рождения...».....	125
Зимний этюд	126
«О войне пишут внуки и правнуки...».....	127
Соколы	128
«Им»	129
«Мы к доллару...».....	130
Цветок	131
«Полночный дождик за окном...»	132

Тучки	133
«Нынче случилось и книги...»	134
«Чтобы в жизни ни случилось...»	135
Городские ласточки	136
Воробей	137
Оляпка	138
«Годы пришли и разом...»	139
«Я в зеркала не смотрюсь...»	140
Петушок	141
«Не пойму я от чего-то...»	142
«Думалось, старость она за горами...»	143
Из армянской поэзии	144

Сочихин Никон Васильевич

ГЛАЗАМИ МОЕЙ ДУШИ

РАССКАЗЫ. СТИХИ

отпечатано в типографии ООО "Издательский дом Д'Принт"
Томск, ул. Герцена, 72-б, тел. 8(3822) 52-10-01

формат 148х190. Бумага офсетная. Печать офсетная.
тираж 110 экз.

